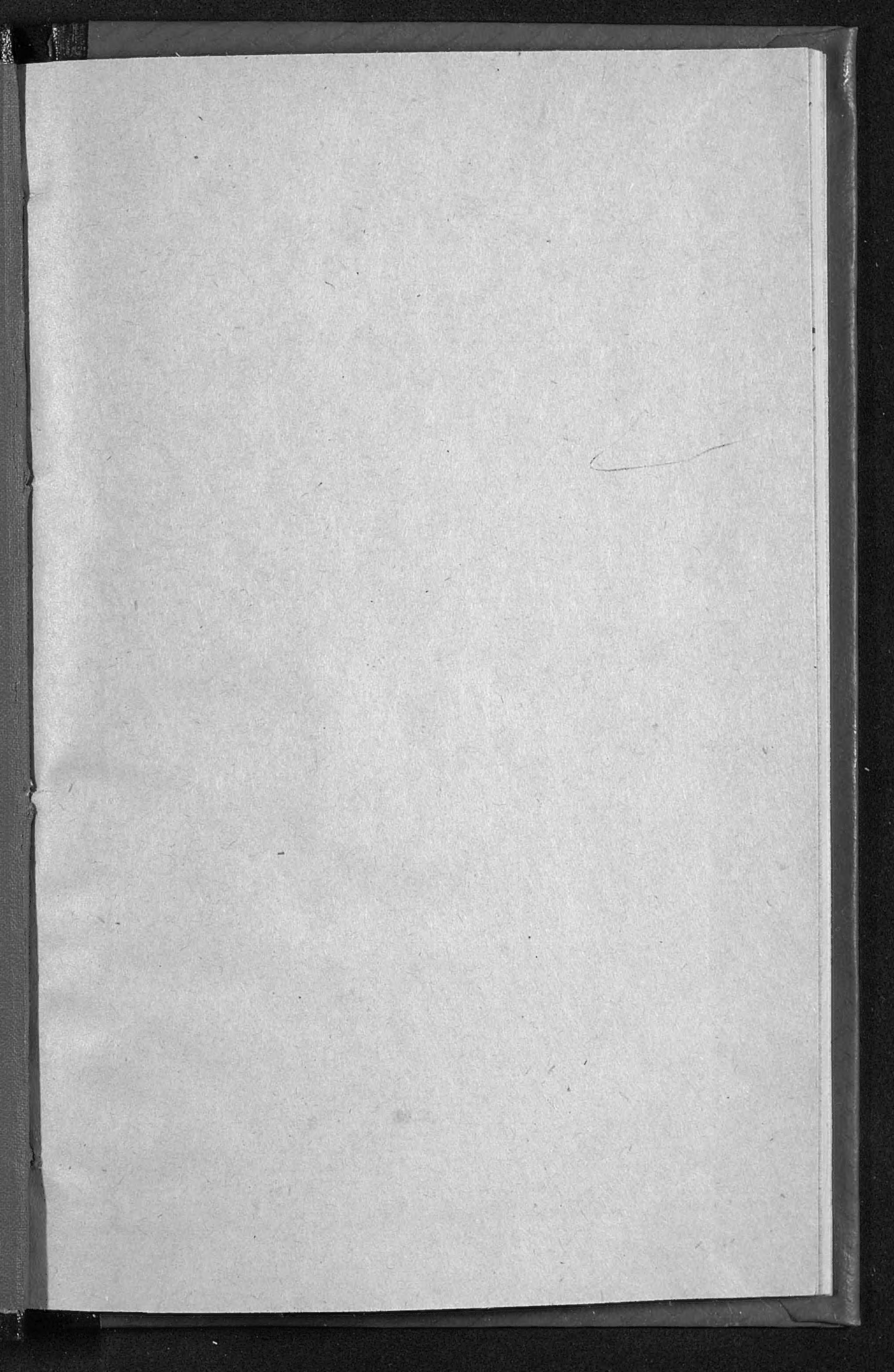

Многоуважаемому Павлу Никитичу Сакулину

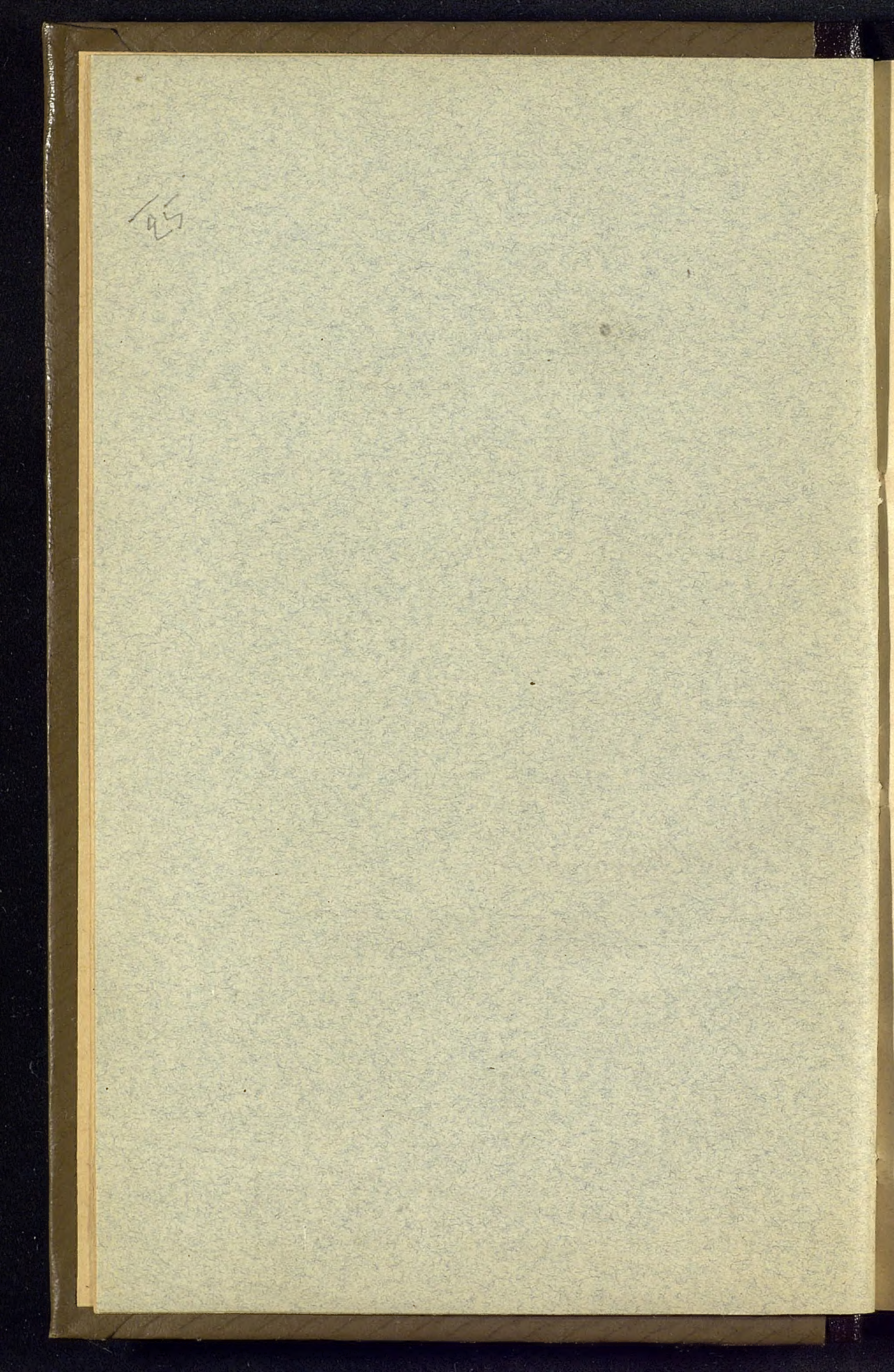
В. И. Чернышевъ.

Отъ автора. 28 мар. 07.

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

25

В. И. Чернышевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Мартъ 1907 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XI (1906 г.), кн. 4, стр. 1—48.

Изъ исторіи русскаго правописанія.

Характеръ русскаго правописанія. Правописаніе первой напечатанной въ Россіи книги: «Апостола» 7071—72 года, «Уложенія» Алексѣя Михайловича и «Вѣдомостей» Петровскаго времени. Какъ писали установители нашей орѳографіи: Ломоносовъ и Карамзинъ. Правописаніе Пушкина по печатнымъ текстамъ его сочиненій, изданныхъ при его жизни. Заключеніе.

I.

Русское правописаніе основано на двухъ различныхъ началахъ: церковно-славянской книжности и русской живой рѣчи. Благодаря церковнымъ книгамъ, мы сохранили буквы *ѣ*, *ъ*, *ь*, окончанія прилагательныхъ *ый*, *ій*, *аго*, *яго*, форму *ея* для родительнаго падежа женскаго рода мѣстоименія *она* и нѣкоторыя другія. Живая русская рѣчь отразилась, напр., на тѣхъ же окончаніяхъ подъ удареніемъ, гдѣ мы пишемъ уже не по церковной графикѣ, но по современному произношенію: слѣп*ой*, так*ой*, глух*ого* и подобныя.

Въ современномъ письмѣ есть и такія начертанія, которыя основаны на произвольныхъ правилахъ, составленныхъ старыми грамматистами. Это, напр., различіе въ употребленіи буквъ *і* и *и* и окончаній *ые*, *ыя*, формъ *онѣ* и *они*, *однѣ* и *одни*.

Наконецъ, современное письмо рядомъ съ приведенными написаніями строго сохраняетъ, какъ обязательныя, и тѣ неправильныя, которыя введены составителями прежнихъ грамматикъ по принадлежащей имъ лично ошибкѣ, какъ напр., *е* въ *мелкій*, *пестъ* и другихъ словахъ, или *ѣ* въ *сѣдло*, *цѣлъ*.

Нѣкоторыя черты нашего правописанія установились очень давно. Самая главная: сохраненіе традиціонныхъ книжныхъ написаній имѣетъ за собою давность въ нѣсколько столѣтій. Изъ исторіи русскаго языка извѣстно, что въ московской области въ живомъ говорѣ установилось аканье уже въ XIV, XV вѣкахъ, но памятники, писанные въ этой области, обыкновенно держатся правописанія стараго, безъ *а* на мѣстѣ *о*, и выдаютъ особенность своего говора только въ немногихъ сравнительно случаяхъ. Другіе случаи русскаго правописанія установлены очень недавно и еще не приняты всѣми. Такъ окончаніе *ого* подъ удареніемъ установлено, можно сказать, на нашихъ глазахъ академикомъ Я. К. Гротомъ, который и самъ первоначально держался стараго правописанія: *аго* во всѣхъ случаяхъ.

Для исторіи правописанія является чрезвычайно важнымъ изслѣдованіе текста печатныхъ книгъ отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени. Такая полная исторія русскаго правописанія, несмотря на прекрасное начало, положенное трудами покойнаго Я. К. Грота, никѣмъ еще не составлена, но пересмотръ нѣсколькихъ болѣе замѣчательныхъ книгъ даетъ достаточно матеріала для заключеній о томъ: 1) каковъ былъ характеръ стараго русскаго правописанія, 2) въ какомъ направленіи оно развивалось, 3) какова была роль замѣчательныхъ писателей въ установленіи его, 4) кто былъ его законодателемъ.

Изъ подобныхъ наблюденій мы легко убѣдимся, что въ послѣдовательномъ развитіи русской орѳографіи перевѣсъ оказался во многихъ случаяхъ на сторонѣ книжныхъ церковно-славянскихъ формъ, несмотря на то, что лучшіе писатели, до XIX вѣка включительно, болѣе или менѣе свободно допускали въ своемъ

письмѣ формы живой русской рѣчи. Приведемъ и разсмотримъ относящіяся сюда факты [1]).

I + II.

Первопечатный русскій Апостолъ 7071—7072 года является уже довольно исправнымъ по орѳографіи, которая имѣетъ въ немъ вообще славянскій характеръ, но съ русскими примѣсями въ письмѣ и языкѣ. Въ качествѣ послѣднихъ можно указать: преже 4 [2]), сужу 12 об., ражаетъ 56 об. и т. п.

Много отличій отъ современнаго письма только въ пунктуаціи.

Вотъ главныя особенности правописанія этого Апостола:

1) Въ немъ не обозначаются большими буквами собственныя имена;

2) часто пропускается *ъ* въ предлогахъ: снимъ 3 об., кварнавѣ 4 и мн. др. т. п.; зато видимъ иногда *ъ* въ префиксахъ: въстани 7;

3) буква *ѣ* употребляется довольно правильно, но встрѣчаются и ошибки: з*е*ло (заключеніе), б*е*л*ѣ* 3 об., исц*е*лѣвшему 7, прем*е*неніе 56 об., втемниц*ы* 1; особенно часто въ числѣ ошибокъ видимъ *е* въ предложномъ падежѣ: мѣст*е* (заключеніе), приархіепископ*е* афанасі*е* (тамъ же), митрополит*е* (тамъ же), о вѣр*е* 7 об.;

4) буквы *і* десятеричное и *и* восьмеричное не всегда ставятся согласно съ принятымъ теперь правиломъ: первая встрѣчается

---

1) При этомъ мы не имѣемъ въ виду строго отличать факты правописанія отъ связанныхъ съ ними другихъ фактовъ языка. Кромѣ желанія отмѣтить побольше мало извѣстныхъ данныхъ, оправданіемъ для этого могутъ быть практическія задачи письма, а также и нѣкоторыя трудности дѣла.

2) Въ выпискахъ я не передаю титла тамъ, гдѣ оно встрѣчается.

передъ согласными, вторая — передъ гласными буквами и въ словѣ міръ въ значеніи «вселенная» (мира 57);

5) послѣ *ч* пишется иногда ю: чюдеса 1, чюда 7;

6) въ именахъ мужескаго рода послѣ *ч* пишется *ь*: василіевичь (заключеніе), плачь 15 об.;

7) предложный падежъ именъ на *іе* видимъ съ окончаніемъ *іи*: соединеніи и общеніи 2, оприложеніи 2, о запрещеніи 2 об.;

8) родительный падежъ прилагательныхъ мужескаго рода при обыкновенномъ славянскомъ окончаніи *аго* имѣетъ и русское *ого (его)*: всякого 1, гостунъского (заключеніе), единого 4, единого 4 об., иного 8 об., наносящего 57;

9) префиксы, оканчивающіеся на *з*, часто пишутся по произношенію: исцѣлѣвшемъ 4, бесчиніи 4, востаніе 2 об., истемницы 3 об., 4, исподѐ 4 об., исполнени 5, восхожаста 6 об., бесчестіе 11 об.; встрѣчаются формы и съ *з*: изшедшу 1 об. и подобн.;

10) буква *ь* для обозначенія мягкаго *л* иногда не ставится: начáлника 14, даже: хýлныя 12;

11) какъ современный языкъ въ живомъ произношеніи безразлично употребляетъ форму *её* для родительнаго и винительнаго падежей, такъ тогдашній письменный языкъ употреблялъ форму *ея* безъ различія падежей: землю, ея же аще ти покажу 12 об.

«Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» въ первомъ изданіи (1645 года) во множествѣ случаевъ примѣшиваетъ къ книжнымъ церковнославянскимъ написаніямъ русскія. Уже на первыхъ листахъ «Уложенія» находится рядъ подобныхъ примѣровъ. Такъ буква *ѣ*, не отличаемая въ тогдашнемъ произношеніи Москвы, хотя и сохраняется по традиціи — иногда даже лучше, чѣмъ въ современномъ письмѣ (нѣчего 11, нѣчемъ 18, 19 об., 21 и др., нѣкому 17 об.) — очень часто замѣняется *е*: стрелять 2 об., мешати 3 об., ценою 4, стрелецъ 4 об., розбегутся 5 об., отвечати 7 об., стенѣ 22, после 1 об., въ роздѣле 1 об., вызмѣне 2, и др. Писцы и печатники «Уложенія» такъ мало при-

даютъ значенія буквѣ *ѣ*, что у нихъ нерѣдко съ «естемъ» стоитъ слово, которое рядомъ имѣетъ правильно «ять» (лѣ́су 5, леса̀ 5 и подобн.).

Согласныя буквы предлоговъ и префиксовъ часто изображаются по произношенію, а не по этимологіи (глухой + глухой, звучный + звучный): обесче́ститъ 1, 2 об., бесчи́нства 2 об., беспроѣ́зжихъ 3 об.; искоторого го́рода и исполковъ 2 об., беспомѣ́сной и безво́тчинной инозе́мецъ 14, збирать 1 об., здастъ 1 об., здѣ́лаетъ 3, здѣ́ланы 3, збѣ́гутъ 4, збою̀ збѣжи́тъ 5, зъгосуда́ревы слу́жбы 5 об. и т. п.

Такое письмо по произношенію проникаетъ отчасти и въ средину словъ: бли́ско 22, нискіе 22.

Нашъ орѳографическій префиксъ *раз* обыкновенно имѣетъ въ «Уложеніи» русскую форму *роз*: въ роздѣ́ле 1 об., порозбору 4, роспуска́ти 4 об., розбегу́тся 5 об. и т. п.

Передъ гласной въ префиксахъ часто пишется фонетическое ъ вмѣсто этимологическаго ъ: обьявя́тся 3, 3 об., сьѣхать 13, сьѣдетъ 13, сьѣдутъ 13 об., обьяви́тся 17 об. Такое правописаніе встрѣчаемъ даже въ предлогѣ: сьи́хъ люде́й 6.

Послѣ шипящихъ и *ц* въ слогахъ ударяемыхъ пишется то традиціонное *е*, то фонетическое *о*: чужею, стрѣлцовъ и подобн.

Есть и другія уступки произношенію, которыя иногда идутъ очень далеко: старцовъ 9 об., Чюдова 9 об., чюжіе 19, порутчикъ 17 (= кто поручается), вызмѣне 2.

Прилагательныя мужескаго рода въ именительномъ и родительномъ падежахъ множественнаго числа обыкновенно являются съ русскими окончаніями: *ой*, *ей*, *ого*, *его* подъ удареніемъ и безъ него: кото́рой измѣнникъ 2, да́точной человѣ́къ 4 об., со́тенной голова́ 4 об., служи́лой человѣ́къ 5, и́ноческой чинъ 9, околни́чей 7 об., 9, подьячей 8, стря́пчей 9, 11, тре́тей день 17, иной како́й зло́й умыслъ 2, царьского 1 об., 2 об., 3, кото́рого 2 об., московского 3 об., 4, какого 2 об. (нерѣдко встрѣчаются и формы на *аго*), подья́чего 8, Изнижнего 9 об. и мн. др. т. п.

Именительный падежъ прилагательныхъ множественнаго числа чаще всего имѣетъ окончанiе *ые*, независимо отъ рода. Встрѣчается и окончанiе *ыя*, но тоже въ разныхъ родахъ. Поэтому, несогласно съ нынѣшнимъ, находимъ: вынҐе государства 3 об., людскiя и ко́нскiя ко́рмы 4, новые дороги 7, судные дѣла 8, какiя убы́тки 18 об., и т. п.

Книжная мѣстоименная форма *ея* очевидно употреблялась безразлично для родительнаго и винительнаго падежа. Такъ, находимъ ее вмѣсто винительнаго въ слѣдующемъ примѣрѣ: Будетъ кто похочетъ чужею землею, завладѣть и посѣетъ ея хлѣбомъ 18 об.[1]).

Въ изданiи 1779 года[2]) тоже «Уложенiе» характеризуется обилiемъ чисто русскихъ написанiй и формъ (хотя большинство

---

1) Позднѣе такъ находимъ у Фонвизина: взялъ *ея*, на *нея* взойти (См. «Словарь» къ Фонвизину Петрова, слово «онъ»). Отмѣтимъ еще нѣсколько своеобразныхъ особенностей въ правописанiи «Уложенiя». Мягкое *л* передъ согласной не обозначается: стрѣлцовъ и т. п. *Не* съ глаголомъ часто пишется вмѣстѣ. Впрочемъ, вообще правописанiе предлоговъ и префиксовъ слитно или отдѣльно отличается непослѣдовательностью.

Ти въ неопредѣленномъ наклоненiи здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, орѳографическое.

Любопытно, что необозначенiе мягкости *л* является здѣсь слѣдованiемъ очень старой орѳографической традицiи. Академикъ А. И. Соболевскiй указываетъ, что писецъ «Чудовского списка» Новаго Завѣта, соблюдавшiй правила грамматики и послѣдовательный въ орѳографiи, «очень рѣдко ставилъ ъ между согласными: болши, колми, болна, горко и т. п.». (Южно-славянское влiянiе на русскую письменность, стр. 25).

Разстановка знаковъ препинанiя имѣетъ мало общаго съ современной. Любопытна запятая между подлежащимъ и сказуемымъ, какъ знакъ остановки въ произношенiи: которые денежные ма́стеры, у́чнутъ дѣлати во́ровски мѣдныя, или оловяныя или укла́дныя деньги 3.

Подобная пунктуацiя держалась до XVIII вѣка. Примѣры можемъ указать въ «Путешествiи» Радищева по изданiю 1905 года (Сильванскаго и Щеголева): «Ибо горячность родителя, ускоряла во младшемъ разверженiе ума, а любовь братня, умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ» (90); «Мать ваша, равнаго со мною была мнѣнiя» (93); «Сколь вкусенъ намъ казался тогда, хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской» (96) и др.

2) Это изданiе, вышедшее въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ появленiя грамматики Ломоносова, могло бы быть согласовано съ орѳографiей, которая ей устанавливается, но этого не замѣчается.

начертаній и принадлежитъ славянскому языку). Такъ, въ немъ часто видимъ русскую форму префикса *роз*, *рос*: росправа 30 (цифра означаетъ страницу по изданію 1779 года), роспрашивати 32, (ср. рознымъ 52) и др.; буквы *з* и *с* въ предлогахъ и префиксахъ пишутся очень часто по произношенію: бесчестье 32, 34, обесчеститъ 39, бескабальныхъ 53, исъ тѣхъ 48, зъ головы 33, здѣлать 34, здѣлку 47, збѣжитъ 54 и подобн., такъ что правописаніе «Уложенія» въ данномъ случаѣ нужно признать болѣе раціональнымъ, чѣмъ непослѣдовательныя современныя правила объ употребленіи буквы *с* въ извѣстныхъ префиксахъ;

по произношенію же пишется и *ь* вмѣсто этимологическаго *ъ* въ такихъ случаяхъ, какъ: сьѣхать, сьѣдетъ 56 (при обыкновенномъ графическомъ *ъ*),

также: иноземцовъ 31, псцу 31, сыскивати 32, доведетца 37, суботы 38, тритцать 41, пятинатцати 41, порутчики 56, итти 54, Чюдова монастыря 40;

сюда же, можетъ быть, нужно отнести сравнительную степень на ши, которая здѣсь является нерѣдко: меньши 35, и др.;

окончанія именительнаго падежа единственнаго числа *ой* и *ей* безъ ударенія являются во множествѣ случаевъ:

которой судья 31, третей день 56, Окольничей, или Думной человѣкъ 31, 37, 39, подьячей 33, 34, Стряпчей 39, и мн. др.;

родительный падежъ часто оканчивается на *ого*, *его*, *ово*, *ова*:

Московского 30, которого 34, поклепного иску 35, судного 36, виноватого 52 (рядомъ случаи съ *аго*), Окольничего 32, 34, подьячего 33, 34, лишнего 35, большово собору 47, нѣково 54, больново 54, доброво 54, какова 34, 38, 40, 49, 50, 51 и др., такова 53 и тому подоб.;

родительный единственнаго числа женскаго рода мѣстоименій и прилагательныхъ имѣетъ тоже нерѣдко чисто русскую форму: отъ тое раны 53, тое указные недѣли 55;

именительный множественнаго обыкновенно видимъ на *ые* безъ различія рода, и т. п.

Даже въ книгахъ съ церковнымъ языкомъ и правописаніемъ, какъ «Духовный Регламентъ», мы изрѣдка встрѣтимъ русскія формы письма и языка. Такъ, въ немъ находимъ: розыскать 23 (цифры обозначаютъ страницу по изданію 1820 года), розыскивать 23, росходовъ 36, росходахъ 36, салдатъ 55, канторѣ 63, Руское 59, пловутъ 60, префиксъ *вос* и подобные передъ глухими; формы: въ церквѣ 26, 40, другой годъ 59, иного 30, такого 41 и тому подобныя, которыя объясняются вліяніемъ живого русскаго языка.

Въ «Вѣдомостяхъ времени Петра Великаго» правописаніе не слишкомъ далеко отъ современнаго[1]). Но какъ въ ихъ искусственный церковнославянскій языкъ врываются формы языка живого, такъ и ихъ славянское правописаніе имѣетъ достаточную примѣсь русскихъ формъ. Такъ именительный падежъ прилагательныхъ мужескаго рода весьма часто оканчивается на *ой*, *ей* безъ ударенія: литовской польной гетманъ 4, пушечной снарядъ 4, аглинской вицѣ адмиралъ 6, всякой мѣсяцъ 7, ны-

---

1) Правописаніе этихъ «Вѣдомостей» церковнославянское, книжное и вообще довольно послѣдовательное. Буква *ѣ* употребляется сходно съ современнымъ, иногда болѣе правильно (пѣчего 4, мѣль 5, корѣлы и подобн.), иногда своеобразно (напр., въ словахъ иностранныхъ: гольстѣйнскую 9, карѣта и др.). Случайность написаній вродѣ: въ обозе 4, рекѣ 5 видна изъ другихъ послѣдовательно правильныхъ написаній. Въ числѣ другихъ особенностей обращаетъ на себя вниманіе необозначеніе мягкаго *л* передъ согласной (дѣлномъ 7, досталные и т. п.), многочисленные случаи слитнаго написанія *не* съ глаголами, крайне рѣдкое употребленіе прописныхъ буквъ, которыя ставятся обыкновенно только въ началѣ статей. Собственныя имена лицъ, мѣстъ и др., не отличаются большою буквою (шемахи 3, казани 3, сибири 3, москвѣ 3, персиды 3 и т. д.). Разстановка знаковъ препинанія (запятыхъ) имѣетъ въ своей основѣ не раздѣленіе синтактическихъ частей, какъ у насъ, но также и остановки въ произношеніи (напримѣръ, запятая между подлежащимъ и сказуемымъ). Повидимому, примѣнялись и нѣкоторыя искусственныя правила; напримѣръ, часто видимъ запятую передъ союзомъ *и*

Мы дѣлаемъ ссылки на орѳографію этихъ «Вѣдомостей» по превосходному изданію: «Вѣдомости времени Петра Великаго. Выпускъ первый. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московской Синодальной Типографіи». М. 1903. Въ точной передачѣ орѳографіи подлинника удостовѣряютъ приложенные при этомъ изданіи снимки съ оригиналовъ.

нѣшней походъ 6, нынѣшней годъ 7, шведской генералъ мейдель при выборкѣ стоящей 281, околничей и воевода 224 и т. п.

Рядомъ съ этимъ славянское правописаніе настолько характеризуетъ эти «Вѣдомости», что окончанія *ый*, *ій* являются даже подъ удареніемъ: полевы́й гетма́нъ 12, 18, 21, 24, осмы́й день 26, достальны́й 117, другі́й полкъ 19, такі́й 401 (при: како́й отвѣтъ 7, друго́й карабль 95) и подобн.

Тоже находимъ и въ родительномъ падежѣ: смѣшеніе русскихъ формъ на *ого*, *его* съ славянскими на *аго*, *яго*; напр.: гишпанского серебряного каравана 6, казацкого 12, саксонского 12, огинского 17, единого 18—19, крайчего коронного 12, стоящего 273, 276, лутчего морска́го ходу 131, одново̀ 12, никакова̀ (удареніе такъ!) 16, 17, 20, 24, никако́ва 26, такова̀ добраго желѣза 62, какова̀ 255[1]), рядомъ съ городова́го 7, друга́го 22, менша́го полева́го 27 и т. п.

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа обыкновенно пишется окончаніе *ые*, *іе* безъ различія рода:

московскіе войска 4, войска добрые 4, зимовые становища 5, которые крѣпостные строенія 8 и мн. др. *Ыя* находимъ гораздо рѣже и тоже не для обозначенія рода: съ 6000 человѣкъ которыя 20, дворы каменныя 20, многіе злыя хитрости 11, пограничные украинскія мѣста 5. Еще рѣже окончаніе *іи*: належащіи московскіе войска 25 (если я не сдѣлалъ недосмотра, одинъ разъ на 25 страницахъ).

Также не различаются по родамъ формы *они* и *онѣ*. Вторая употребляется очень рѣдко и между прочимъ вмѣсто существительнаго мужескаго рода: *онѣ* (москвичи) 10.

Единственный случай родительнаго падежа мѣстоименія она, который мы отмѣтили, имѣетъ русское правописаніе: набрано *ею*[2]) (мѣди) многое число 17. На это правописаніе нужно обра-

---

1) Здѣсь, намъ казалось, вездѣ должны бы были стоять формы мѣстоименія *какой*, не *каковъ*.

2) Можетъ быть, здѣсь *ѣ* произносилось какъ *ё*. Сравните: въ *нѣю* посадить 276, которое, впрочемъ, тоже могло произноситься съ *е*.

тить особое вниманіе, такъ какъ рядомъ находимъ славянскія окончанія родительнаго падежа: своея алтилеріи 8, сея рѣчи 10 и подобн.

Рядомъ съ сохраненіемъ традиціонной книжной славянской орѳографіи видимъ много примѣровъ, гдѣ славянская традиція уступаетъ русской или живому произношенію.

Таковы многочисленные случаи съ префиксомъ *роз*: розбилъ 6, 22, розставливаютъ 6, розглашаютъ 7, розстрѣляны 22, на розговорѣ 23, розмѣну 24, розлила́сь 26 и т. п.

Таковъ ь на мѣстѣ ъ въ префиксѣ объ: обьявить 17, обьявитъ 27, обьятая.

Таково правописаніе по произношенію согласныхъ въ префиксахъ и отчасти въ корняхъ: здался 6, здати 10, о здачѣ 28, збираетъ 6, згорѣли 22, збѣлогородскимъ 16, здѣланныхъ 62, зжегъ 7, изъ барабаннымъ битьемъ 8, скаскѣ 3, 4, лотками 348, исчезать 22, превосходили 247, воспріялъ 288, воспріяли 291, рядомъ съ этимологическими: изходитъ 17, разпущенными 8, сжечь 8, изперва 33 и подобн.

Не условными грамматическими правилами или орѳографическими требованіями, но живымъ языкомъ опредѣляются и многія другія написанія, какъ: тысячю 3, кочюютъ 27; трубачь 400, даниловичь 397, тысячь 6 (и: тысячъ 7); садитца 19, чинитца 25; дватцать 15, тритцать 18, двенадцать; лутчи 17; нещастіе 22 (и: счастіе); швецкой 3; лѣсницъ 20.

Орѳографія церковныхъ книгъ сохраняется въ написаніяхъ, подобныхъ: жегъ, пришелъ, но и здѣсь изрѣдка встрѣчаемъ уступки произношенію: пошолъ 18.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимологическое письмо идетъ дальше нашего. Встрѣчаемъ, напр., написаніе: въступить 7. Вспомнимъ, какъ у насъ долго и упорно защищался ъ въ начертаніяхъ вродѣ: съумѣлъ, съузилъ.

III.

Въ XVIII вѣкѣ главнымъ законодателемъ русскаго правописанія является Ломоносовъ. Поставивъ основаніемъ для правописанія текстъ церковныхъ книгъ, онъ сообщилъ ему церковнославянскую окраску. Впрочемъ, и въ теоріи—въ своей грамматикѣ, и на практикѣ—въ своемъ письмѣ, онъ признавалъ права живого языка и часто ему слѣдовалъ въ своихъ написаніяхъ, неособенно стѣсняясь ихъ непослѣдовательностью; иногда же, наоборотъ, проводилъ нѣкоторыя правила письма съ такой послѣдовательностью, которая у насъ не сохранилась.

Если нынѣшнее правописаніе можно признать Ломоносовскимъ, то только по тому источнику, на которомъ оно основано: письмо церковныхъ книгъ. Во многихъ случаяхъ мы исправили, а иногда и испортили орѳографію Ломоносова. Кромѣ вліянія позднѣйшихъ писателей и грамматистовъ, это отступленіе отъ его правописанія объясняется еще и тѣмъ, что Ломоносовъ не далъ кодекса орѳографическихъ правилъ, которымъ онъ слѣдовалъ, и писать по его орѳографіи никогда не было легкимъ дѣломъ: эту орѳографію нужно опредѣлять изъ напечатанныхъ имъ текстовъ его сочиненій.

Вотъ нѣсколько образцовъ правописанія Ломоносова изъ «Россійской Грамматики», Спб. 1755 года, «Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ... Книга первая. М. 1757 г., Книга вторая... Второе изданіе съ сочинительными исправленіями. М. 1759 г.». Въ ссылкахъ я буду обозначать ихъ сокращенно: первое—Р. Г., второе—С. С. I, третье—С. С. II.

Ломоносовъ писалъ *ѣ* въ словахъ: прилѣжаніе Р. Г. 6, прилѣжно С. С. II. 1, мѣлкій Р. Г. 14, лѣтаніе С. С. II. 16, 17, лѣтящій С. С. I. 45, сѣдящая С. С. II. 11 и *е* въ словахъ: двенатцать Р. Г. 102, С. С. II. 18, при двѣсти Р. Г. 103, Днепръ С. С. I. 44, тележный Р. Г. 14.

Онъ писалъ по произношенію *тч*, въ словахъ: лутче Р. Г. 7, лутчаго С. С. II. 17, лутчія правила С. С. II. 2, протчихъ Р. Г. 11, 12, протчія С. С. II. 7, и *тц* въ числительныхъ: двенатцать Р. Г. 102 и др. вмѣсто нашихъ *лучше* (слово другого образованія, чѣмъ то, которое въ живомъ языкѣ звучитъ такъ, что его нужно передавать однимъ изъ трехъ написаній: луче, лучче, лутче) и современнаго *дц* въ числительныхъ, едва ли правильнаго; также *щ* въ щастіе С. С. II. 8.

Ломоносовъ писалъ фонетическое *с* вмѣсто этимологическаго *з* не только въ извѣстныхъ префиксахъ *воз*, *из*. . . въ случаяхъ какъ: воспаленный С. С. I. 49, вспоможенія С. С. II. 9, восхожденіе С. С. II. 10, происхожденіе С. С. II. 10, истолкованія С. С. II, 12, расплодиться С. С. II. 13 и т. п., но проводилъ послѣдовательно эту мѣну *з* на *с* во всѣхъ приставкахъ передъ всѣми глухими, какъ показываютъ многочисленныя его написанія, подобныя слѣдующимъ: восставитъ С. С. I. 52, рассудимъ Р. Г. 12, рассудительный степень Р. Г. 14, рассыплетъ С. С. I. 54, рассматривалъ С. С. II. 1, расстоянія С. С. II. 14, рассѣлины С. С. II. 16, бесконечному Р. Г. 12, бесчисленны С. С. I. 42, беспрестаннаго С. С. II. 2, бесславіе С. С. II. 8, 7, 10 и т. д. При этомъ фонетическій принципъ правописанія проводился Ломоносовымъ еще и дальше, въ написанія, какъ: Французскимъ Р. Г. 6, Французскаго Р. Г. 6, дерсскій С. С. I. 43, збираютъ С. С. I. 44, згущенный С. С. I. 45 и т. п.

Въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ мужескаго рода Ломоносовъ писалъ то *ый*, то *ой*, въ родительномъ женскаго то *ыя*, *ія*, то *ой*, *ей*, но въ родительномъ мужескаго рода предпочиталъ *аго* и подъ удареніемъ: каждой человѣкъ Р. Г. 11, каждой членъ Р. Г. 12, тонкой прахъ С. С. I. 34, цѣлой свѣтъ С. С. I. 48, громкой и пріятной голосъ, долгой духъ и крѣпкая грудь С. С. I. 1., сановитой видъ С. С. II. 2, подлинной путь С. С. II. 2 и мн. др., другаго Р. Г. 6, С. С. II. 6, втораго С. С. II. 11, но: какого С. С. II. 14, одного С. С. II. 18 (такъ пишется Ломоносовымъ послѣднее слово обыкновенно).

Сочетанія *же*, *ше*, *це* Ломоносовъ обыкновенно писалъ по традиціи, а не по произношенію, т. е. съ буквою *е*, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они стояли подъ удареніемъ: воображенныя Р. Г. 11, лице Р. Г. 13, С. С. I. 34, С. С. II. 10, сопряженныя С. С. II. 13, лишенныя С. С. II. 18 и подобн.

Въ раздѣленіи и соединеніи словъ Ломоносовъ явно держался иногда этимологическаго начала, и у него нерѣдко находятся раздѣленными слова, которыя мы соединяемъ или пишемъ двояко въ зависимости отъ разныхъ значеній или произношенія. Примѣры: то есть Р. Г. 11, С. С. II. 3, не сносно здорятъ Р. Г. 13, что бы (союзъ) С. С. II. 2, 10, 14 и др., не льзя С. С. II. 2, по Россійски С. С. II. 8, по тому (союзъ) С. С. II. 10, по сему (союзъ) С. С. II. 10, какъ нибудь С. С. II. 13, не сходственнаго С. С. II. 15, какой либо Р. Г. 11.

Непослѣдовательности въ правописаніи Ломоносова встрѣчаются очень часто, и хорошей орѳографіей не отличается даже второе и послѣднее, вышедшее при его жизни, собраніе его сочиненій, явившееся съ «сочинителевыми исправленіями». Мы находимъ, напримѣръ, рядомъ на одной страницѣ или на двухъ сосѣднихъ различныя написанія, подобныя слѣдующимъ: промыслъ Р. Г. 9, о божественномъ Промыслѣ Р. Г. 9; естьли Р. Г. 6, есть ли-бы Р. Г. 7; есть ли бы Р. Г. 11, естьли бы Р. Г. 12; возрѣть С. С. I. 32, воззрѣвъ С. С. I. 43; протчихъ Р. Г. 11, 12, прочія искусства С. С. II. 2; раззоренія С. С. II. 16, раззореніе С. С. II. 18, разоренныхъ С. С. II. 18; неусыпный трудъ С. С. II. 13, неусыпной человѣкъ С. С. II. 14.

При обыкновенномъ правописаніи Ломоносова съ мѣной *з* на *с* въ префиксахъ, оканчивающихся на эти звуки, мы встрѣчаемъ много случаевъ, гдѣ данные префиксы написаны по этимологіи: разсыпанныхъ Р. Г. 12, безсмертный С. С. I. 33, разсыпь С. С. I. 43, разсѣкаетъ С. С. I. 47, изчезаютъ С. С. I. 47, изсыхаютъ С. С. I. 47, возпослѣдованіе С. С. II. 9, произшедшихъ С. С. II. 12 и др.

Рядомъ съ «лице» находимъ: чорна С. С. I. 34; при многихъ

случаяхъ съ ѣ въ словѣ первый находится много и безъ этой буквы (см., напр. С. С. II, стр. 14, гдѣ данное слово пишется безъ ѣ, и слѣдующую 15 стр., гдѣ оно же пишется съ ѣ); при послѣдовательномъ вообще употребленіи окончаній *кій*, *гій*, *хій*, находимъ иногда формы съ *о*.

Онъ несогласно съ нами ставилъ ъ и ь, употребляя написанія: лучь С. С. I. 35, мечь С. С. I. 43 и др., бичь С. С. II. 8, тучь С. С. I. 35, тмою С. С. I. 33, писменъ С. С. II. 8, предъидущихъ Р. Г. 12, предъидущее С. С. II. 6, 10, естьли Р. Г. 6, С. С. I. 46, поверьхъ С. С. I. 48, сверьхъ Р. Г. 6, С. С. II. 8, верьхи С. С. I. 35, верьшинѣ С. С. I. 45, серьпы С. С. I. 54, перьвымъ С. С. II. 4, воперьвыхъ С. С. II. 4, перьвыя С. С. II. 5 и другіе подобные случаи послѣдовательно.

Кромѣ непослѣдовательности, встрѣчаются и просто ошибки, какъ: река С. С. I. 45, подъеденная С. С. II. 11, склоняешъ С. С. I. 44, возжжена С. С. I. 33, такія рѣчи безъ приготовленія передъ народомъ произнесенные С. С. II. 3.

Эти несогласныя одно съ другимъ или ошибочныя написанія, которыя теперь легко замѣтить и выдѣлить изъ общей послѣдовательной и раціональной системы Ломоносовскаго письма, въ то время должны были немало затруднять тѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать его орѳографіи.

Приведенные примѣры показываютъ, что Ломоносовъ во многихъ случаяхъ не держался опредѣленной орѳографіи: онъ колебался между формами русскими и славянскими и не давалъ послѣднимъ такого явнаго преобладанія, которое замѣчается въ принятомъ нынѣ правописаніи.

При этомъ непослѣдовательность Ломоносовскаго правописанія объясняется не только тѣмъ, что онъ не установилъ для себя всѣхъ случаевъ правописанія формъ и словъ, но еще и тѣмъ, что въ письмѣ, какъ и въ языкѣ, онъ различалъ стили: напр., славянскія окончанія прилагательныхъ на *ый* (м. р., им. п., ед. ч.), *ыя* (ж. р., р. п., ед. ч.) считалъ приличными для высшаго стиля, русскія соотвѣтственныя формы на *ой*—для простого. Такъ-какъ

ясной границы между тѣмъ и другимъ стилемъ провести невозможно, то необходимо должна была явиться нѣкоторая пестрота въ правописаніи, подобно тому какъ это было и въ самомъ языкѣ Ломоносова, охотно допускавшемъ народныя формы и слова какъ: блекляе, свѣтляе Р. Г. 92, скоряе С. С. I. 40; дому Петрова Р. Г. 9, для выговору Р. Г. 14, мужескаго полу Р. Г. 64; въ двенадцатомъ вѣку С. С. II. 18; отъ ней С. С. II. 11; усумнѣлся Р. Г. 8; скрыпу Р. Г. 14; убивства С. С. II. 10; Михайло Р. Г. 10; о многолѣтномъ Р. Г. 9, и т. п., рядомъ съ книжными: непріятельми Р. Г. 6, землй (пр. п.) Р. Г. 13, С. С. II. 1, С. С. II. 10, домы С. С. II. 7, лѣсы С. С. II. 17, въ третіей части С. С. II. 12 и подобн.

IV.

Карамзинъ, какъ и Ломоносовъ, считается тоже установителемъ русской орѳографіи. Такъ, Я. К. Гротъ, въ «Филологическихъ разысканіяхъ» (Спб. 1876, т. II, стр. 205) говоритъ слѣдующее: «Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала.* Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орѳографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Такимъ образомъ ему должно быть приписано установленіе не только литературнаго языка, но и правописанія русскаго».

Если мы присмотримся къ орѳографіи Карамзина въ то время, когда она уже должна была сложиться, то убѣдимся, что она дѣйствительно имѣетъ большія достоинства, такъ какъ: 1) отличается послѣдовательностью и простотою, 2) въ общемъ сохраняетъ традиціонныя начертанія, 3) до нѣкоторой степени близка къ живому языку.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ правописанія Карамзина изъ журнала: 1) «*Вѣстникъ Европы*», *издаваемый Николаемъ Карамзинымъ*. Часть I. Москва, 1802; 2) Часть IV; 3) Часть V, обозначая въ ссылкахъ часть и страницу и замѣтивъ, что въ первой части примѣры выписаны изъ статьи: «О любви къ отечеству и народной гордости», а въ четвертой и пятой изъ неоконченной повѣсти: «Рыцарь нашего времени».

Примѣры сохраненія традиціонныхъ написаній: 1) по этимологіи: естьли I. 60, 66, то есть I. 68, по тому (союзъ) IV. 40, I. 59, кого нибудь IV. 44, на примѣръ IV. 45 (чаще, впрочемъ, пишется вмѣстѣ), отъ чего (союзъ) V. 112, на встрѣчу V. 121, не рѣдко IV. 47, не смотря I. 56; смѣшнаго IV. 37, земнаго IV. 38, инаго V. 112, мірскаго V. 114, густаго V. 119, больнаго V. 125 (вообще находится послѣдовательно *аго* подъ удареніемъ; *ого* мы отмѣтили лишь въ: какого V. 119, никакого I. 57); душею IV. 39, карандашемъ IV. 42, дьячекъ V. 111, желтаго V. 112, лжетъ V. 124;

2) по произношенію: щастіе I. 56, щастливую I. 56 и подобн., ключь V. 112, товарищь V. 123, лучь IV. 38, тысячь IV. 46, итти IV. 43 и др.

Слѣдуя живому языку, Карамзинъ допускалъ множество случаевъ именит. падежа прилагательныхъ на ой: дикой Унтервальденъ I. 57, суровой Гларисъ I. 57, прекрасной домикъ I. 59, физической кабинетъ I. 59, Руской I. 61, Славянской языкъ I. 62, умной человѣкъ I. 67, самой худой Французской переводъ I. 67 и т. п.; родительный иногда оканчивалъ на *ова*: никакова IV. 43, больнова IV. 48; въ родительномъ падежѣ мѣстоименія она послѣ предлоговъ ставилъ русскую форму: у нее IV. 46, подлѣ нее IV. 48, отъ нее I. 104; писалъ по произношенію отдѣльныя слова: Лапланецъ I. 56, мущины I. 67, фіялку IV. 39, наизусть V. 112, дожжикъ V. 119, провинціялы V. 121, бесѣду словохотную V. 125.

Уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Карамзинъ

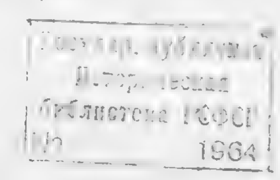
обладаетъ орѳографіей очень послѣдовательной и даже довольно близкой къ нашему времени. Такова орѳографія перевода «Поэмы великаго Галлера»: «О происхожденіи зла» (М. 1786).

Особенности правописанія здѣсь: болѣе послѣдовательное *с* въ префиксахъ: бе*с*покойной 16, бе*с*покойныя мысли 19, бе*с*престаннаго 53, бе*с*конечно 77, и т. п.; *ый* въ именит. (исключеній не отмѣчено); *аго* въ родительномъ падежѣ почти безъ исключеній, такъ что: неудовольствіе на сам*аго* себя 20, открыть Сам*аго* Себя (о Богѣ) 32, так*аго* 28, никак*аго* 29, но: одн*ого* 64 (съ *ого* отмѣченъ у насъ только этотъ случай); старинныя книжныя формы и написанія: время*н*емъ 5, пла*мя*нный 8, м*ѣ*ль 18, уг*нѣ*таетъ 64, тмы 68, жизни мо*ея* 5, увѣнч*а*ваетъ 8, затм*ѣ*вается 25, р*а*ждаетъ 27, 42, измо*жд*ить; живой языкъ отразился въ немногихъ написаніяхъ: (овцы) бляютъ 9 (такъ говорятъ и во Владим. губ.), верьхъ 12 (при: вверхъ 27), отъ *нее* 43, 67, младенц*о*въ 44, 64, чудовищ*и* (им. п.) 58, сокровищ*и* (им. п.) 61.

Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ, какъ «Историческое похвальное слово Екатеринѣ Второй» (М. 1802) правописаніе является даже менѣе строгимъ, такъ какъ дѣлаетъ большія, но неокончательныя уступки живому языку. То же и въ «Сочиненіяхъ»: напр., во II томѣ (М. 1803) находимъ въ общемъ прекрасное правописаніе, близкое къ намъ, лишь съ нѣкоторыми мелкими, а иногда и значительными непослѣдовательностями. Напримѣръ, именительный обыкновенно на *ой* (желаем*ой* день, перв*ой* разъ), а родительный на *аго* (молод*аго*, втор*аго*), а иногда на *ова* (друг*ова*, это*ва*).

Въ «Исторіи Государства Россійскаго» правописаніе отличается строгой послѣдовательностью и тщательностью, но имѣетъ очень книжный характеръ.

Вотъ списокъ особыхъ и замѣчательныхъ написаній I-го тома «Исторіи» по первому изданію: однакожь XIII, Междоцарствія XIV, тмѣ XV, тма 71, Дому (р. п.) XVI, не льзя XIX,

излишно XXIII, вѣки (в. п. м. ч.) XXIV, физіогноміею XXIV, прилѣжно XXIV, на примѣръ XXXI, XXXII и др., безъименными XXXI, новой (слогъ) XXX (списка), предъидущее XXXII, употреб—лялась XXXIII, Царя Алексія XXXIV, для нее XXXV (въ спискѣ, гдѣ вообще орѳографія менѣе строга), полунощныхъ 3, Боспоръ 4, приближились 14, Бальтійскаго (моря) 14, домы (им. мн.) 16, съ 474 году 19, съ 527 году 20 и: около 580 года 24, ѳеатръ Исторіи 19, Альтайскихъ 22, между ими 43, 63 и мн. др., то есть 45, Коломба 45, и: однакожъ 49, Нѣменъ 50 (=Нѣманъ), пеклися 56, Козаковъ 43, загарая 56, во многочисленномъ собраніи 56, долголѣтнымъ 56, всякой (имен. пад. м. р. ед. ч.) 60, 72, 73, 75, Козма 338, спастися 64 (подобныхъ случаевъ на *ся* много), ко многосложному счисленію 71, и такъ (союзъ) 77, 111, не рѣдко (нарѣчіе) 77, покланялися 81, Богу вселенныя 81, въ гостинницахъ 90, на канунѣ 91, Святошныя игрища 91, и: поклонялись 93, олтарей 95, и: тьму 95, четырмя 95, граж—данъ 98, соломенную чучелу 101, стекляныя 102, лѣсницы 103, и: нерѣдко 105, покаряемыя 105, писмена 111 и: письмена 120, маленькой городокъ 117, малолѣтнаго 122, знаменитаго роду 124, вопервыхъ 125 и: во вторыхъ 125 (оба случая въ одномъ предложеніи), вежи или шатры Угровъ 127, наземлею Воложскою 128 (=землею волоховъ), и: рода 129, парусы 131, якори 131, чего они купцамъ стояли 139 (=стоили), заростшія 146, купѣли 166, осмнадцати 168, Тмуторокапскимъ 172, на встрѣчу 174, возмите 182, ко трону 182, отъ нее 189 (исключеніе), раненныхъ 190, возмемъ 190, клокъ волосовъ 192, въ тоже время 192, съ мосту 195, и: возьму 198, возьметъ 214, безъименный 208, не смотря (союзъ) 213, изъ боку 221, и: въ то же самое время 229, и: напримѣръ 236, гостинницы 237, ярмонки 243, селянинъ Русской 251, сѣньми 252. Изрѣдка встрѣчается также *не* съ глаголомъ слитно: нестанетъ 197, немогъ 215 и др.

Въ этомъ спискѣ отмѣчены: 1) всѣ найденныя нами колебанія въ правописаніи текста перваго тома «Исторіи», 2) всѣ написа-

нія и (формы), которыя теперь не приняты, отчасти по ихъ неудачности, отчасти по деспотическому требованію школы [1]).

При объясненіи особенностей и колебаній такого правописанія нужно имѣть въ виду и тогдашнее состояніе литературнаго языка, въ которомъ очень свободно еще сталкивалась книжная стихія съ народнымъ произношеніемъ. Поэтому у Карамзина находимъ съ одной стороны чисто книжныя написанія, какъ: сѣдящихъ на тронѣ («Истор. похв. слово», 65), Великія (род. п. ед. ч. ж. р.; тамъ же, 30; подобныя формы у него не рѣдки), не успѣлъ я окончать письма («Сочиненія» II. 20), сопутникомъ (тамъ же, 50), 26 Маія (тамъ же, 6), роскошію («Исторія» I. 12), съ другой стороны видимъ выраженіе формъ и словъ живого языка, каковы: воины одного полку («Истор. похв. слово», 62), никакой розницы («Сочиненія», II. 14), постеля (тамъ же, 25 и др.), Нѣмцовъ (тамъ же, 30), Италіянцовъ (тамъ же, 41), картеча раздробила ногу (тамъ же, 126), передразнивая (тамъ же, 249).

Вообще правописаніе «Исторіи» отличается отъ нынѣшняго послѣдовательными окончаніями *ый* (седьмый VIII. 47, юный VIII. 7), *аго* (злаго VIII. 14, внучатнаго VIII. 16, но: такого VIII. 61), *ъ* послѣ *ч* (мечь VIII. 15, Василіевичь VIII. 5, тысячь VIII. 20); *е* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* подъ удареніемъ; *е* въ: лекарь VIII. 14, спесь VIII. 51, телегѣ 65, копейка (VIII. 43. Здѣсь

1) Отмѣтимъ подобныя, непринятыя или неодобряемыя, но правильныя написанія, вполнѣ допустимыя и теперь, въ «Историческомъ похвальномъ словѣ»: раждаетъ 15, Полотскъ 27, чтожъ 60, Олтарей 60, сравнялись 103, на встрѣчу 135, вышшимъ знаніямъ 151; въ «Сочиненіяхъ» (т. II. М. 1803): однако жь 7, 14, 16, на верьху 16, мущины 18, вороты 21 (=ворота), сверьхъ 36, близь 63, верьхи (горъ) 79, верьхомъ 159.

Въ числѣ рѣдкихъ ошибочныхъ написаній Карамзина можно назвать въ «Историч. похв. словѣ»: Днестра 39, растѣнія 96, 161 (это слово Карамзинымъ упорно писалось тогда черезъ *ѣ*), заростшее 100, лекарствъ 149; въ «Сочиненіяхъ» (т. II. М. 1803): ширѣ 50, лекаремъ 60 (подобное написаніе у Карамзина обыкновенно, но встрѣчается и съ *ѣ*; такъ, въ «Исторіи», т. I: лѣкари 237), она есть ничто иное 66, прѣнія и вражда («Исторія», VIII, 62) и нѣкоторыя другія. Не относимъ сюда случаевъ, въ которыхъ Карамзинъ, очевидно, опирался на произношеніе, какъ написанія: селы, вѣрющаго, мачиха, молошница, яишница и подобныя.

Карамзинъ объяснилъ, на основаніи текстовъ лѣтописи, происхожденіе этого слова отъ *копье* и привелъ самую выписку оттуда). Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать въ VIII томѣ: излишно 8, снеслися 11, не уже ли 14, не смотря 15, разорять 19, однакожь 19, 28, на примѣръ 20, сверхъ 20, тьмѣ 23, тоже время 23, домы 29, два дни 29, уменшилось 46, но: уменьшить 65, тюрмою 49, итти 58, истинѣ 60, близъ 60.

V.

О правописаніи печатныхъ текстовъ А. С. Пушкина мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по слѣдующимъ изданіямъ: 1) *Кавказскій плѣнникъ*, повѣсть. Соч. А. Пушкина. Спб. 1822. 2-е изд. 1828. 2) *Евгеній Онѣгинъ.* Глава I. Спб. 1825. Гл. II. Спб. 1826. 3) *Цыганы.* М. 1827. 4) *Братья разбойники.* М. 1827. 5) *Графъ Нулинъ.* Сочиненіе Александра Пушкина. Спб. 1827 (въ типографіи Департамента народнаго просвѣщенія). 6) *Русланъ и Людмила.* Поэма Александра Пушкина. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Спб. 1828. 7) *Полтава.* Спб. 1829. 8) *Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина.* Спб. 1831. 9) *Борисъ Годуновъ.* Спб. 1831. 10) *Современникъ*, литтературный журналъ, издаваемый Александромъ Пушкинымъ. Первый и четвертый томъ. Спб. 1836 [1]).

Обратившись, ради точности, не къ современнымъ изданіямъ Пушкина, въ которыхъ ороографія исправляется издателями, а къ первопечатнымъ текстамъ сочиненій поэта, мы имѣли много случаевъ убѣдиться въ печальной истинѣ, что правщики Пуш-

---

1) Здѣсь отмѣтки сдѣланы изъ статей: «Путешествіе въ Арзрумъ» (Извѣстно, что корректуру «Путешествія» Пушкинъ просилъ прислать себѣ для исправленія. См. Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому въ мартѣ 1836 года), «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка». — Въ ссылкахъ первый томъ не обозначается а четвертый имѣетъ: IV.

кинскихъ текстовъ очень часто дѣлали совершенно не нужныя или даже крайне неудачныя поправки, а также во множествѣ случаевъ подъ видомъ правописанія исправляли языкъ и слогъ великаго поэта [1]).

1) Вотъ для примѣра немалый, но очень неполный списокъ подобныхъ поправокъ, допущенныхъ въ одномъ изъ лучшихъ изданій Пушкина—литературнаго фонда, подъ редакціею Морозова.

Первопечатный текстъ:	*Изданіе Морозова 1887 года:*
затмевались (Кавк. пл. 2 изд. 40)	затмѣвались
въ шатрахъ изодраныхъ (Цыг. 3)	въ шатрахъ изодранныхъ
полу-завѣшанныхъ коврами (Цыг. 3)	полузавѣшенныхъ коврами
дальный градъ (Цыг. 16)	дальній градъ
пламя поздное (Русл. и Людм. 32)	пламя позднее
приближилась (тамъ же, 49)	приблизилась
раждался (тамъ же, 53, 150)	рождался
близъ (тамъ же, 61)	близь
копытомъ мочнымъ (тамъ же, 110)	мощнымъ
два дни (тамъ же, 113)	два дня
дальной цѣпью (тамъ же, 144)	дальней цѣпью
окриленный (тамъ же, 152)	окрыленный
безстыдностью нежданой (Бор. Г. 4)	безстыдностью нежданной
безымянный (тамъ же, 14, 86)	безыменный
море—окіанъ (тамъ же, 14)	море—окіянъ
содрагалась (тамъ же, 78)	содрогалась
нежданою (тамъ же, 102)	нежданною
обвѣшенный веригами (тамъ же, 109)	обвѣшанный веригами
разбитый впрахъ (тамъ же, 121)	разбитый въ прахъ
нежданый (Полтава, 10)	нежданный
козачей сабли (тамъ же, 15)	казачьей сабли
Цареградскаго Салтана (тамъ же, 24)	цареградскаго султана
затмеваетъ (тамъ же, 27)	затмѣвастъ
у брегу Днѣпра (тамъ же, 81)	у брега
генеральный Судія (тамъ же, 85)	генеральный судья
1830 году (Пов. Бѣл. XVIII)	1830 года
вытти (тамъ же, 6)	выйти
изо рту (тамъ же, 12)	изо рта
сосѣды (тамъ же, 40)	сосѣди
тряслися (тамъ же, 46)	тряслись
выдетъ (рѣчь крестьянина; тамъ же, 53)	выйдетъ
Марія (тамъ же, 56)	Марья
офицеры, обвѣшенные крестами (тамъ же, 60)	офицеры, обвѣшанные крестами
какого роду (тамъ же, 65)	какого рода
счастіе (тамъ же, 68)	счастье
сертукъ (тамъ же, 107)	сюртукъ

Прежде всего нужно разрѣшить общій вопросъ: имѣемъ ли мы право, говоря о печатныхъ текстахъ Пушкина, называть орѳографію книги орѳографіей поэта. Книга печатается не всегда съ подлинной рукописи, набранная въ печати она не всегда корректируется самимъ авторомъ. Свѣдѣнія, которыя имѣются о печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ, можно признать почти достаточными для положительнаго рѣшенія этого вопроса.

Выраженіе: «такъ писалъ Пушкинъ» вмѣсто: «такъ напеча-

на колѣнахъ (тамъ же, 106)	на колѣняхъ
по вѣтрености (тамъ же, 117)	по вѣтренности
этакаго (тамъ же, 147)	эдакого
свиданія (Совр. 120)	свиданья
ущеліе (Совр. 20)	ущелье
великолѣпныя ванны и дома (Совр. 22)	великолѣпные ванны и дома
двуколесныхъ (Совр. 24)	двухколесныхъ
татаре (Совр. 24, 62)	татары
бѣднѣе и нечище (Совр. 31)	бѣднѣе и не чище
бранію (Совр. 53)	бранью
меньшій братъ (Совр. 54)	меньшой братъ
глава третія (Совр. 56)	глава третья
на колѣни (Совр. IV. 122)	на колѣна
Памфиловна (Совр. IV. 107)	Панфиловна

Вотъ какую работу разумѣли издатели сочиненій Пушкина подъ «исправленіемъ» его правописанія!

Въ болѣе тщательномъ изданіи П. А. Ефремова мы тоже находимъ изрѣдка ненужныя или неудачныя поправки. Предлагаемъ небольшой списокъ ихъ по Пушкинскому изданію «Исторіи Пугачевскаго бунта» (Спб. 1834) и 6-му тому послѣдняго Суворинскаго изданія сочиненій Пушкина.

Изданіе Пушкина:	*Изданіе Суворина-Ефремова:*
чтобъ 3	чтобы
Коммисія 8 и др. послѣдовательно	комиссія
итти 19	идти
местію 21	местью
баттарею 38	батарею
карре 40	каре
мятель 42	метель
безъ барабаннаго бою 53	безъ барабаннаго боя

Издатель, кромѣ того, раздѣляетъ нарѣчныя выраженія, какъ: часъ-отъ-часу, мало-по-малу, на-встрѣчу, которыя Пушкинъ соединяетъ черточкой; оставляя ударяемыя *же*, *ше*, ударяемое *це* онъ передѣлываетъ на *цо* (купцемъ 18—у Ефремова: купцомъ).

тано въ такомъ-то изданіи сочиненій Пушкина», можно понимать въ крайнемъ случаѣ какъ условный словесный оборотъ, стоящій на мѣстѣ другого болѣе точнаго.

Конечно для изученія должно брать преимущественно тѣ изданія, которыя дѣлались по порученію поэта по его оригиналамъ и еще лучше тѣ, за которыми слѣдилъ самъ Пушкинъ, и нельзя брать тѣхъ, которыми онъ оставался не доволенъ или которые признаны небрежными. Поэтому, напр., мы не взяли для изслѣдованія перваго собранія его стихотвореній, изданныхъ въ 1826 году, такъ какъ его издатели въ предисловіи извиняются передъ поэтомъ и передъ публикою въ томъ, что «по недосмотрѣнію корректора» въ книгѣ допущены «значительныя типографическія ошибки». Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Пушкинъ слѣдилъ за текстомъ отпечатанныхъ друзьями сочиненій, провѣрялъ его, указывалъ ошибки, а нѣкоторыя произведенія корректировалъ самъ. Затѣмъ, онъ не дѣлалъ замѣчаній противъ орѳографіи своихъ печатныхъ текстовъ. Значитъ, онъ ей удовлетворялся, и мы имѣемъ право относить орѳографію книгъ самому автору [1]).

---

1) Въ перепискѣ Пушкина есть нѣсколько любопытныхъ и точныхъ указаній, касающихся орѳографіи его печатныхъ текстовъ. Эти указанія тѣмъ болѣе цѣнны, что ихъ немного и что они не всегда ясны. Во всякомъ случаѣ подъ «ошибками» въ его перепискѣ большею частію разумѣются неточности и измѣненія стилистическія, относящіяся къ смыслу произведенія, а не къ его орѳографіи.

Обратимся сначала къ I тому переписки, изданной Академіею Наукъ (Спб. 1906), а потомъ къ письмамъ, напечатаннымъ Морозовымъ. Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 4 декабря 1820 года говорится, что поэма «Русланъ и Людмила» напечатана подъ его «отеческимъ надзоромъ». Въ письмѣ къ брату и сестрѣ отъ 27 іюня 1821 года Пушкинъ говоритъ, что «Черную шаль» «чортъ знаетъ какъ напечатали» (въ «Сынѣ Отечества», № 15). Въ письмѣ къ брату отъ 24 января 1822 года Пушкинъ проситъ напечатать посылаемые ему стихи въ «Сынѣ Отечества» «безъ подписи и безъ ошибокъ». Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 14 октября 1823 года говорится, что «Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ *свѣжій сонъ* въ самомъ концѣ... К. Плѣнникъ иное дѣло». Кромѣ стилистическихъ исправленій послѣдняго, Пушкинъ дѣлаетъ еще «замѣчаніе типографическое», указывая послѣ словъ: *Все понялъ онъ* многоточіе и черту. Въ письмахъ къ кн. Вяземскому отъ 4 ноября и отъ 20 декабря

Тогда выходитъ, что мы довольствуемся относительной Пушкинской ороографіей, косвенными соображеніями вмѣсто прямыхъ и точныхъ доводовъ? Нѣтъ, для исторіи установившейся у насъ ороографіи собственно не такъ нужно знать, какъ писалъ самъ

1823 года Пушкинъ поручаетъ ему изданіе «Бахчисарайскаго фонтана». Въ письмахъ къ Бестужеву (12 января 1824 года) Пушкинъ говоритъ, что давно уже не сердится за опечатки. Въ письмѣ къ Булгарину (1 февраля 1824 года) проситъ перепечатать въ его «Листкахъ» стихи, напечатанные съ ошибками въ «Полярной Звѣздѣ». Въ письмѣ къ Плетневу (сентябрь—октябрь 1824 года) поручаетъ ему, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и Дельвигомъ, изданіе «Онѣгина». Въ письмѣ къ брату и сестрѣ 4 декабря 1824 года поэтъ высказываетъ неудовольствіе на Кюхельбекера, напечатавшаго «ошибочно» его «Демона» и не велитъ ему давать «ни капли» своихъ стиховъ. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому 25 января 1825 года говорится, что «Онѣгинъ» печатается подъ присмотромъ брата и Плетнева. Въ письмѣ къ брату и Плетневу отъ 15 марта 1825 года Пушкинъ, посылая имъ свои стихи, пишетъ: «Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, безсмыслицы—прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ». Въ письмѣ Плетнева къ Пушкину отъ 6 февраля 1826 года находимъ, что онъ оправдывается отъ упрека Пушкина за ошибки въ разстановкѣ знаковъ препинанія въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина»: «Рукопись прислалъ ты очень неисправную, а ее переписывалъ какой-то писарь; и такъ еще болѣе испортилъ. Послѣ того трудно добиться вездѣ аккуратно до настоящаго смысла. Совѣтую тебѣ впередъ отдавать кому нибудь переписывать у себя, да послѣ просматривать». Изъ писемъ Плетнева отъ 27 февраля и 14 апрѣля 1826 года видно, что Пушкинъ подчиняется этому совѣту, даетъ Плетневу черновую рукопись Цыгановъ и получаетъ ее переписанную для поправокъ. Письмо Пушкина къ Погодину отъ 19 февраля 1828 года показываетъ, что поэтъ смотрѣлъ иногда корректуру Булгаринской «Сѣверной Пчелы». Здѣсь же онъ проситъ Погодина не обижать его «сиротъ-стишонковъ опечатками». Изъ писемъ Пушкина къ Плетневу отъ 3-го іюля и 25 августа 1831 года видно, что «Повѣсти Бѣлкина» были переписаны для печати самимъ Пушкинымъ, а печатались подъ присмотромъ Плетнева. Указаніе на чтеніе корректуръ «Исторіи Пугачевскаго Бунта» сдѣланы нами дальше, на стр. 42, гдѣ можно прибавить еще письмо къ Яковлеву въ августѣ 1834 года. Въ заявленіи въ Главный комитетъ цензуры въ 1835 году (у Морозова № 433) Пушкинъ говоритъ, что первое изданіе «Анджело» напечатано книгопродавцемъ Смирдинымъ «неисправно и съ своевольными поправками». Въ письмѣ къ Одоевскому въ мартѣ 1836 года Пушкинъ проситъ прислать ему корректуру «Путешествія въ Арзрумъ», потому что въ рукописи много ошибокъ.—Вотъ все главное по занимающему насъ вопросу въ письмахъ Пушкина, гдѣ особенно важно указаніе, что въ срединѣ его литературной дѣятельности у него еще встрѣчаются ороографическіе недосмотры, которые исправляютъ друзья. Въ концѣ своей дѣятельности, какъ мы увидимъ дальше, онъ прекрасно корректируетъ самъ.

Пушкинъ—это имѣетъ свой интересъ, но для другихъ цѣлей— но именно важно изслѣдовать ороографію печатныхъ текстовъ его сочиненій. Рукописи Пушкина не могли оказать вліяніе на утвержденіе той или другой ороографической системы, а печатные его тексты, расходившіеся въ громадномъ для того времени числѣ экземпляровъ, вполнѣ могли это сдѣлать. Поэтому они и имѣютъ въ данномъ случаѣ первостепенную важность.

Эти тексты мы видимъ обыкновенно съ сравнительно хорошей, послѣдовательной и внимательной корректурой и ороографіей. Друзья, Гнѣдичъ, Вяземскій, Соболевскій, Плетневъ, зорко слѣдили за изданіемъ и, придавая свободной ороографіи поэта болѣе послѣдовательный и книжный видъ, обращались съ ней вообще довольно осторожно, умѣя цѣнить ея своеобразныя достоинства.

Послѣ *ж*, *ш*, *ч*, *щ* Пушкинъ обыкновенно ставилъ *е* въ слогахъ ударяемыхъ, согласно съ славянскою графикою: лжетъ (Гр. Нул. 19), развлеченъ (Гр. Нул. 20), смущенный (Гр. Нул. 28), ковшемъ (Русл. и Л. 10), сраженный (Русл. и Л. 14), погруженный (Бор. Год. 15), тяжеломъ (Кавк. пл. 10), лучемъ (Кавк. пл. 11), тяжелой (Кавк. пл. 12), возвышенныхъ (Кавк. пл. 23; удареніе здѣсь на *е*), погруженный (Кавк. пл. 25), окруженный (Кавк. пл. 26), шелъ (Кавк. пл. 44), въ I-ой гл. *Онѣгина:* отцевъ 26, рожекъ 38, въ *Цыганахъ:* пожемъ 41, лицемъ 41 (въ риѳмѣ съ: гробовомъ), рѣшетки (Бр. разб. 12), сушеной (Совр. 22), окруженная (Совр. 23), зараженнымъ (Совр. 25), пораженный (Совр. 28), нашелъ (Совр. 29), перечелъ (Совр. 29) и т. п.

О мы отмѣтили въ слѣдующихъ случаяхъ: шёлъ (Кавк. пл., 2 изд. 47), смѣшонъ (Цыг. 34), пришёлъ (Цыг. 35, въ риѳмѣ съ: золъ), душою (Цыг. 35, риѳма съ: тобою), онъ—поражёнъ (Русл. и Л. 110, риѳма), чорной (Кавк. пл. 20), клочокъ (Совр. 30), старичокъ (Совр. 117).

Въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ Пушкинъ употреблялъ подъ удареніемъ славянское окончаніе *аго:* лихаго (Кавк. пл. 17), сѣдаго (Кавк. пл. 20), любаго (Бор. Год. 7),

мірскаго (Бор. Год. 24), другаго (Бор. Год. 35, 36; здѣсь славянское окончаніе даже въ просторѣчіи, въ разговорѣ въ корчмѣ), младаго (Кавк. пл. 10, 12), другаго (Кавк. пл. 31), инаго (Совр. 29), живаго (Совр. 27), роднаго (Совр. 119). Встрѣчается даже: какаго змія (Пол. 25). Такое правописаніе обыкновенно во всѣхъ разсматриваемыхъ нами печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ. Мы находимъ *аго* даже въ риѳмахъ съ словами на *ова:* снова—рокоrazваго (Русл. и Л. 111), младаго—слова (Русл. и Л. 99), снова—младаго (Русл. и Л. 139) и въ такихъ случаяхъ, какъ: однаго (Пов. Бѣл. 29), самаго хозяина (Пов. Бѣл. 107, вм. самого), этаго (Совр. 119, Бор. Год. 117 и др. тексты), изъ чего можно заключить, что Пушкинъ стремился писать въ родительномъ падежѣ одно окончаніе *аго.*

Иногда, однако, мы находимъ у него и *ого*, но только не прилагательныхъ: такого (Бор. Год. 21), какого (Бор. Год. 25), никакого (Совр. 26), какого-то (Совр. 29), этого (Бор. Год. 60 и др.), одного (Бор. Год. 80, 117) и другія мѣста съ этими словами.

На окончаніе *ого* подъ удареніемъ въ именахъ прилагательныхъ мы не нашли у Пушкина ни одного примѣра.

Въ риѳмахъ Пушкинъ допускалъ еще окончаніе *ова*, какъ нерѣдко писали въ XVIII столѣтіи: гнѣдова (Совр. 113). Издатели сочиненій Пушкина удержали это правописаніе до нашего времени.

Иногда Пушкинъ писалъ совсѣмъ не порусски, но пославянски или по книжному: окриленный (Русл. и Л. 152), змій (тамъ же, 67), змія (риѳма: Марія; Пол. 25), генеральный Судія (Пол. 85), костьми (Совр. 124), приближилась (Русл. и Л. 49), полнощныхъ (Русл. и Л. 20), могущему (Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ). Вспомнимъ въ его болѣе раннихъ стихотвореніяхъ такія риѳмы, какъ *нощи* и *рощи*, гдѣ славянская форма навсегда упрочена имъ уже не только въ письмѣ, но и въ произношеніи. Отмѣтимъ также книжное написаніе: противурѣчія (Кавк. пл., Посвященіе).

Пушкинъ любилъ писать по этимологіи префиксы *раз, воз, низ, из*: разкупилъ (Евг. О. гл. I, стр. XVI), изключеній (тамъ же, XVIII), разправилъ (тамъ же, 23), возходитъ (тамъ же, 30), разширялъ (Евг. О. гл. II. 8), разчетливый (тамъ же, 10), снизходительный (тамъ же, 21), низходитъ (Цыг. 4), изтолковать (Цыг. 9), разтащили (Пов. Бѣл. 17), разхаживалъ (тамъ же, 46), разкалено (Пол. 5), разпоряженіямъ (тамъ же, 90), разкуривали (Совр. 24), разтопыря (Совр. 31), разточитель (Совр. 123), разточитъ (Совр. 123), разточать (Совр. 124), разпалясь (Русл. и Л. 14), разходится (Бор. Год. 9), низпошли (Бор. Год. 10), разцвѣли (Кавк. пл., Посвященіе), низпослала (Кавк. пл. 35), изчезла (Кавк. пл. 41), изчезаетъ (Кавк. пл. 43) и мн. др.

Но часто встрѣчаемъ и фонетическое письмо данныхъ приставокъ: исчезнувшаго (Совр. 25), воспоминали (Совр. 29), источниками (Совр. 36), испытать (Бор. Год. 12), восторжествуетъ (Бор. Год. 30), воспоминаютъ (Кавк. пл. 9) и т. д.

Совершенно послѣдовательнаго правописанія префиксовъ, этимологическаго или фонетическаго, мы не найдемъ въ печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ, но чѣмъ позднѣе печатный текстъ, тѣмъ меньше въ немъ этимологическихъ написаній. Въ позднихъ текстахъ они очень рѣдки.

Тамъ, гдѣ представлялся вопросъ: писать слова слитно или отдѣльно, Пушкинъ чаще держался этимологіи, т. е. обыкновенно писалъ отдѣльно: сей часъ (нарѣчіе; Гр. Нул. 12, Русл. и Л. 15, 69; Бор. Год. 37, 40), ни что (Кавк. пл. 20, 21), ни кто (Кавк. пл. 30), ни гдѣ (Кавк. пл. 41), въ дали раздался шумный гулъ (Кавк. пл. 14), въ дали сверкаетъ горный ключь (Кавк. пл. 14), на примѣръ (Совр. 19), не смотря (Совр. 18), въ старину (Совр. 24), не рѣдко (Кавк. пл. 25), когда нибудь (Бор. Год. 13; Кавк. пл. 35), что нибудь (Совр. 22), не льзя (Евг. О. гл. I, стр. XII, 53, Бор. Год. 87)[1]), тотъ часъ (Евг. О. гл. II. 33),

1) Въ языкѣ того времени, допускавшемъ отдѣльное «льзя» (ср. у Крылова: Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить не грѣша...), такое правописаніе

сего дня (тамъ же, 35; Пов. Б. 66), Въ слѣдствіе сего (тамъ же, 103), возможно ль (Бор. Год. 15), уже ль (Кавк. пл. 35), могъ бы (Кавк. пл. 35), хотя бъ (Кавк. пл. 35), услаждала бъ (Кавк. пл. 35), стерегла бъ (Кавк. пл. 35), по Нѣмецки и по Русски (Пов. Б. 115), на силу (=съ трудомъ; Пов. Б. 117), по Англійски (тамъ же, 138), съ нову... съ молоду (Совр. IV. 48), въ право (тамъ же, 59), не бось (тамъ же, 59, 76), въ слухъ (тамъ же, 143), въ полголоса (тамъ же, 89), то есть (Евг. О. гл. I. 7).

Онъ стремится раздѣлить даже слова: Не ужъ-то (Гр. Нул. 20), не ужели (Пов. Б. 8), стремъ-главъ (Бор. Год. 16).

Рядомъ съ этимъ находимъ и слитныя написанія: неразъ (Кавк. пл. 20, 21), невпримѣръ... веселѣе (Пов. Б. 16), подруки (Пов. Б. 86), зàворотъ (тамъ же, 126), встарину (Русл. и Л. 30), ничего (Кавк. пл. 13), никто (Кавк. пл. 41), поутру (Совр. 30), Навремя рокъ тебя постигъ (Русл. и Л. 19), вовѣки (Бор. Год. 16), ябъ (Совр. 127).

Иногда почти рядомъ видимъ различныя написанія однихъ и тѣхъ же случаевъ: однако жъ (Совр. 26) и: однакожъ (Совр. 28), кто жъ (Кавк. пл. 35), простижъ (Кавк. пл. 35), о чемъ-же (Кавк. пл. 42).

Соединительная черточка при частицахъ ставится у Пушкина рѣдко: придутъ-ли (Кавк. пл. 35). При нарѣчныхъ и глагольныхъ сочетаніяхъ, какъ: мало-по-малу, пошелъ-было, черточка встрѣчается часто.

Этимологія Пушкина иногда совпадала съ нашей: выдти (Пов. Б. 43), гостиную (тамъ же, 54), извозчикъ (Совр. 34), стклянокъ (Совр. 118), стклянку (Совр. 118), роспиську (Совр. 119), ужь (Кавк. пл. 10, 12, 19), башенъ (Пол. 39), жь (Евг.

было вполнѣ естественно. Тогда изрѣдка еще отдѣлялись сочетанія, которыя теперь неразрывны. Такъ, у Карамзина находимъ: «Удивляюсь еще, какъ я *въ такихъ торопяхъ* ничего не забылъ въ трактирѣ» («Сочиненія». II. М. 1803, стр. 21). Поэтому и тогдашняя грамматика (Востоковъ) предпочитала писать: *въ торопяхъ*.

О. гл. I, послѣдовательно), пѣсень (Кавк. пл. 45; Совр. 1, и мн. др.), сгарая (Кавк. пл. 2 изд. 33), содрагаюсь, содраганьемъ (Евг. О. гл. I, стр. XVIII, XIX), раждаетъ (тамъ же, 33), дышутъ (Русл. и Л. 53), боленъ (Русл. и Л. 21), Екатерининскаго (Евг. О. гл. I. 69), не что иное (тамъ же, 51, 55). Рядомъ: содроганье (Русл. и Л. 122), слогалъ (Полт. 9), ровняются (Полт. 52), уровнялъ (Пов. Б. 6). Впрочемъ, подобные случаи рѣдки; чаще и послѣдовательнѣе написанія съ *а*. Въ этихъ случаяхъ мы не всегда слѣдуемъ за Пушкинымъ въ письмѣ, но можемъ раздѣлять его этимологическія взгляды.

Въ другихъ случаяхъ мы не раздѣляемъ этимологическихъ взглядовъ Пушкина и обыкновенно не слѣдуемъ его примѣру, но должны признать, что онъ слѣдовалъ правиламъ словопроизводства, распространеннымъ въ его время. Напр., онъ писалъ имянинница (Совр. 2), стремянъ (Совр. 111), производя данныя формы непосредственно отъ имя, стремя; писалъ по*д*чивать (Бор. Год. 31), очевидно предполагая въ первой части слова префиксъ *под*; болѣ (Русл. и Л. 16), конечно, сближая съ формою болѣе.

Въ именахъ мужескаго рода Пушкинъ послѣ буквы *ч* ставилъ *ь*, согласно съ обычаемъ тогдашней орѳографіи. Такое правописаніе, основанное на произношеніи и отчасти этимологіи, держалось еще долго и послѣ. Оно отстаивалось между прочимъ И. И. Срезневскимъ, указывавшимъ на то, что данныя слова имѣютъ характерные признаки мягкаго склоненія, но было вытѣснено школьными грамматиками.

Приведемъ изъ множества случаевъ лишь нѣсколько примѣровъ такого письма текстовъ Пушкина: мечь (Русл. и Л. 16, 26; Совр. 126, 130), ключь (Кавк. пл. 14), бичь (Кавк. пл. 46), Паскевичь (Совр. 18), но также: мечъ (Совр. 122), ключъ (Совр. 122).

Подобно этому и родительный множественнаго женскаго рода имѣетъ *ь*: тучь (Кавк. пл. 14, 19), тысячь (Совр. 25); рядомъ съ этимъ находимъ: пастбищъ (Совр. 25).

Въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ мужескаго рода

Пушкинъ то сравнительно часто, то рѣже, но во всѣхъ нашихъ текстахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, писалъ окончаніе *ой:* Руской (Кавк. пл. 10, 14), Руской (Кавк. пл. 17, 25, 34, 37 и др.; при другихъ словахъ на *ый* въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» это слово, въ видѣ исключенія, оканчивается на *ой*), Романъ классической, старинной, Отмѣнно длинной, длинной, длинной, Нравоучительной и чинной (Гр. Нул. 9), серебряной стаканъ (Гр. Нул. 20), бронзовой свѣтильникъ (Гр. Нул. 20), пылкой нашъ герой (Гр. Нул. 20), неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ (Гр. Нул. 27) [1]), пѣхотной, егерской полкъ (Пов. Б. IX), строгой порядокъ, заведенный . . . родителемъ (тамъ же, IX), Графской кабинетъ (тамъ же, 24), всякой день (тамъ же, 41), Гусарской Полковникъ (тамъ же, 62), добрый малой (Совр. IV. 43), первой разъ (Совр. IV. 116), почтовой трактъ (Совр. 23), на всякой случай (Совр. 33) и т. п. Для окончанія *ей* во всѣхъ текстахъ мы нашли единственный примѣръ: Приказъ Холопей (Бор. Год. 51). Вездѣ при этомъ встрѣчается много случаевъ съ окончаніемъ *ый*, которое можемъ встрѣтить у Пушкина даже подъ удареніемъ: роковый отвѣтъ (Русл. и Л. 29), Младый Ратмиръ (тамъ же, 91), хромый кузнецъ (тамъ же, 103), Гостей, купцёвъ — и весь честный народъ (Бор. Год. 138; весьма неудачное употребленіе окончанія *ый*!), Ночный ауловъ разоритель (Кавк. пл. 37).

Не говоримъ о риѳмахъ, гдѣ окончаніе именительнаго падежа *ой* является у Пушкина чрезвычайно часто въ сопоставленіи съ родительнымъ, творительнымъ и предложнымъ падежами женскаго рода, съ которыми и пишется одинаково. Подобныхъ примѣровъ встрѣчается множество во всѣхъ стихотворныхъ текстахъ Пушкина. Такъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» имѣемъ: шумъ нестройной — нѣгою спокойной 14, кумысъ прохладной — жалости отрадной 15, онъ . . . покорной — чашей благотворной

---

1) Здѣсь употребленіе рядомъ двухъ разныхъ окончаній, можетъ быть, показываетъ, что Пушкинъ послѣ *к* предпочиталъ писать окончаніе *ой*.

15, сотъ душистой—тропой тѣнистой 16, черкесъ проворной—въ буркѣ чорной 21, хозяинъ благосклонной — въ чашѣ благовонной 24, и мн. др. тому подобные случаи.

И тутъ же видимъ окончаніе *ый*, если слова не риѳмуются съ формами женскаго рода: цѣлебный—волшебный 15; конь ретивый — товарищъ терпѣливый 21, плѣнникъ безнадежный—жаръ мятежный и мн. др. т. п., тяжкій сонъ (Евг. Ѳ. гл. I, стр. XIX), глубокій экономъ (тамъ же, 7), вѣкъ блестящій и мятежной (риѳма: нѣжной; тамъ же, 8), великій, сраженный (Русл. и Л. 14).

Даже и въ риѳмахъ, гдѣ удобно и можно, встрѣчаются эти окончанія: Ленскій — деревенскій (Евг. О. гл. II. 17), вѣтеръ майскій — соловей Китайскій (Русл. и Л. 52), бой жестокій—долъ широкій (тамъ же, 72), умыселъ ужасный—взоръ опасный (Полт. 15), здравый — дубравы (Русл. и Л. 148), суровый—оковы (Полт. 33—34), нивы—игривый (Полт. 48) и т. п.

Встрѣчаются и такія явныя уступки книжному правописанію, какъ: кладъ невозвратимый—(дочери) любимой (Полт. 43), въ схваткѣ смѣлой — кровью опьянѣлый (Полт. 65), герой безумной—приступъ шумный (Полт. 83). И наоборотъ: бунтъ осиротѣлой — Чечель смѣлой (Полт. 64), промахъ важной — мальчикъ бойкій и отважной (Полт. 66).

При томъ Пушкинъ различаетъ формы на *ой* и *ый* стилистически. Такъ, въ «Борисѣ Годуновѣ» въ словахъ народа формы на *ой*: Дьякъ Думной говоритъ 9, также въ словахъ хозяйки въ корчмѣ: всякой мальчишка 35, но въ разговорѣ монаховъ въ кельяхъ видимъ окончаніе *ый* и подъ удареніемъ (высшій стиль): честный отецъ 16, 21, святый отецъ 20, святый Владыка 21, 25.

Перевѣсъ во всякомъ случаѣ остается на сторонѣ книжнаго окончанія. Преобладаніе его наглядно указывается такими примѣрами, гдѣ изъ двухъ сосѣднихъ прилагательныхъ, стоящихъ въ концѣ строки, первое имѣетъ *ый*, а второе, ради риѳмы, *ой:* чести безпощадной — твердый, хладной (Кавк. пл. 2 изд. 29),

княжны прекрасной — неистовый, ужасной (Русл. и Л. 115), главою бранной — недвижный, бездыханной (тамъ же, 134) и т. п.

Пушкинъ писалъ по произношенію: анбаръ (Гр. Нул. 7; народное произношеніе), вытрехнулъ (Совр. IV. 153), лахмотьевъ (Цыг. 7), клюшница (Пов. Б. 22), женидьба (Совр. IV. 192), кануры (Совр. 28), канурѣ (Совр. 117), покамѣсть (Евг. О. гл. II. 40; Совр. IV. 106; Цыг. 35), верьхомъ (Евг. О. гл. II. 18), сверхьестественная (Русл. и Л. 86), близь (Евг. О. гл. I. 48; Цыг. 19, 32), вылѣсть (Совр. IV. 178), щастливъ (Бор. Год. 16), искренно (Пов. Б. XIII), околодка (Пов. Б. XVI), сумазброда (Пов. Б. 13), нещастнаго (Бор. Год. 24) и: несчастнаго (Бор. Год. 29), щастья (Бор. Год. 28), ощастливить (Бор. Год. 29), щитаетъ (Русл. и Л. 10), разнощикъ, извощикъ (Евг. О. гл. I. 29), мущины (Русл. и Л. 32), щедушный (Совр. IV. 166), свисну (Совр. 121), свиснетъ (Русл. и Л. 21), блеснетъ (Кавк. пл. 16), блеснула (Русл. и Л. 26), искуству (Бор. Год. 13), расказъ (Евг. О. гл. II. 24), раскажи (Пов. Б. 145), Черкеская (Кавк. пл. 38), Рускіе (Кавк. пл. 44), Рускихъ (Кавк. пл. 45), разинетъ (Гр. Нул. 23), миліонами (Совр. 23), паралельными (Совр. 30); есля (Гр. Нул. 23); даже: явиласъ (Евг. О. гл. I. 47), клянусъ (Совр. 114, 115); маминьки (Евг. О. гл. I. 24, гл. II. 30), кусочикъ (Совр. 22); очень замѣчательны, хотя и рѣдки, написанія: отъ *нее* (Пов. Б. 21), у *нее* (тамъ же, 124), подлѣ *нее* (Совр. 21), для *нее* (Совр. 41), противъ *нее* (Совр. 62), подлѣ *нее* (Совр. 21)[1]).

(Мы должны оговориться, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ написаніями послѣдовательными или, по крайней мѣрѣ, повторяющимися. Мы не приводили только многихъ ссылокъ ради сохраненія мѣста).

---

1) Форму съ конечнымъ *е* послѣ предлоговъ употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ еще Карамзинъ. См., кромѣ примѣровъ, приведенныхъ у него раньше, «Сочиненія» Спб., 1848 (извѣстное «Смирдинское» изданіе, весьма точно передающее правописаніе первопечатныхъ текстовъ) т. I, стр. 81: я списалъ для *нее*; стр. 91: подлѣ *нее*. Также: «Сочиненія», М. 1804, т. VIII, стр. 306: подлѣ *нее*.

Въ «Русланѣ и Людмилѣ» по данному изданію находимъ у Пушкина обыкновенно *ъ* въ предлогахъ, слитыхъ съ словами, начинающимися на *е, ѣ, я*: обьемлетъ 11, 33, изьѣздить 15, подьемлетъ 17, разьѣдемся 17, обьятія 27, 31, и мн. др. Въ другихъ изданіяхъ такое правописаніе рѣже, но встрѣчается; напр., въ «Графѣ Нулинѣ»: въ отьѣзжемъ полѣ 7; въ «Кавк. пл.» (2 изд.): въ обьятіяхъ 10, 36, обьято 18, обьемлетъ 47, подьемлетъ 53, подьѣдетъ 54, подьялся 52; въ I-ой главѣ «Онѣгина»: неизьяснимою XII, изьясняться 4, подьѣзда 18, подьѣхалъ 23, сьѣзжались 42, на сьѣденье 49. Очевидно здѣсь Пушкинъ приближалъ правописаніе къ своему мягкому произношенію данныхъ согласныхъ. Въ произведеніяхъ, написанныхъ позднѣе, Пушкинъ рѣшительно отказывается отъ такой ороографіи. Во всѣхъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ мы не отмѣтили ни одного примѣра подобныхъ написаній.

Иногда Пушкинъ писалъ и выражался совсѣмъ по народному, такъ сказать, вульгарно. Такъ, у него мы найдемъ: черезвычайно весела (Гр. Нул. 17), въ постелю (Евг. О. гл. I. 29), также и: постель (Русл. и Л. 70), въ постелѣ (Гр. Нул. 10), къ моей постелѣ (Кавк. пл. 30), два дни (Русл. и Л. 113), три дни (Бор. Год. 38), татаре (Совр. 24)[1], окіанъ (Бор. Год. 14), провинціяломъ (Пов. Б. 139), на Чеканскомъ ручью (Бор. Год. 35), мочнымъ (Русл. и Л. 110), козачей сабли (Полт. 15), пламя поздное (Русл. и Л. 32), дальный путь (Кавк. пл. 12), дальныхъ странъ (Кавк. пл. 2 изд. 52), высыпи (Совр. 115), наслажусь (Евг. О. гл. I. 39), цалуетъ (Бор. Год. 53), цалуемъ (тамъ же, 76), поцаловались (Пов. Б. 20 и во мн. др. случаяхъ), межъ ими (Евг. О. гл. II. 20), на четверинкахъ (Совр. IV. 49; два раза).

Нужно обратить вниманіе на то, что подобныя формы встрѣчаются у Пушкина не только для характеристики говора дѣйствующихъ лицъ изъ народа—что было бы вполнѣ понятно лю-

1) Для этого написанія Пушкинъ руководился грамматическимъ правиломъ (См. Сочиненія. V. 127, по Морозовскому изданію).

дямъ, смотрящимъ на языкъ и письмо поэтовъ съ точки зрѣнія опредѣленной и строгой педантической школьной грамматики— но и во многихъ другихъ случаяхъ.

По обычаю того времени Пушкинъ писалъ большія буквы во многихъ несобственныхъ именахъ, напр.: Лѣтопись (Бор. Год. 13), Европейца (Кавк. пл. 19), Горцевъ (Кавк. пл. 19), Финъ (Русл. и Л. 22), Финскихъ береговъ (Русл. и Л. 25), Патріархомъ (Бор. Год. 1), Думные Бояре (Бор. Год. 2), Великаго Собора (Бор. Год. 2), Монахиня-Царица (Бор. Год. 2), Правитель (Бор. Год. 3), Татаринъ (Бор. Год. 3) и т. п. Даже Ломбардъ и Аптекарь у него находимъ съ большими буквами.

Примѣры колебанія въ правописаніи различныхъ формъ и словъ у Пушкина многочислены. Кое-что мы уже привели; но это была лишь незначительная часть подобныхъ колебаній.

Такъ, въ предложномъ падежѣ существительныхъ послѣ ъ у него находимъ то *ѣ*, то *и*: въ воображеньѣ (Русл. и Л. 12), въ упоеньѣ (Русл. и Л. 12), въ подпольѣ (Совр. 120), въ уныньи (Русл. и Л. 10), въ его лѣтахъ и званьи (Совр. 127).

Въ причастіяхъ на *нный*, близкихъ по значенію къ именамъ прилагательнымъ, онъ ставилъ то два *н*, то одно: раненный (Гр. Нул. 12), незваный гость (Совр. 124).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ писалъ то такъ, то этакъ: счастье (Русл. и Л. 127) и: щастья (Цыг. 47), телеги (Русл. и Л. 144) и: телѣга (Цыг.), Руские (Бор. Год. 107) и: Русскую (Бор. Год. 107), покамѣстъ (Евг. О. гл. I. 48) и: покамѣсть (Евг. О. гл. II. 40), пожь (Бр. разб. 7) и: пожъ (Бр. разб. 2 изд. 7), тюрмѣ (Бр. разб. 15) и: тюрьму (тамъ же, 11), вослѣдъ (Русл. и Л. 33) и: во слѣдъ (тамъ же, 39), метель (Пов. Б. 39 и вездѣ) и: мятель (Совр. IV. 58), поцѣлуй (Русл. и Л. 96) и: поцалуй (обыкновенно), заскрипитъ (Гр. Нул. 23) и: заскрыпѣлъ (Совр. 24), скрыпъ (Совр. 24); возьми (Кавк. пл. 41) и: возметъ (Бор. Год. 5), итти (Гр. Нул. 10), вытти (Гр. Нул. 19) и: придти (Совр. 124), литтературный (Совр., обложка) и: литературная (Совр. 19), межь (Кавк. пл. 12, 18, 19) и: межъ (Кавк. пл.

37, 40), Козакъ (Кавк. пл. 23, 37, 38 и мн. др.) и: казаковъ (Совр. 26).

Эти колебанія происходятъ то отъ неустановленности самого русскаго правописанія, то отъ неустойчивости личной орѳографіи поэта, окрѣпшей и опредѣлившейся лишь къ послѣднимъ годамъ его жизни, то отъ вліянія друзей-корректоровъ, дѣлавшихъ частныя поправки, но не рѣшавшихся уничтожить всѣ орѳографическія особенности текстовъ Пушкина.

Немало у Пушкина найдется такихъ написаній, для которыхъ невозможно придумать никакого объясненія. Мы не должны, конечно, сюда относить такіе случаи, гдѣ ясна описка или опечатка, какъ Влад*ім*и*ръ* (Евг. О. гл. II. 39), въ когтя*хъ* (Русл. и Л. 46), *бѣ*зобразный сонъ (Русл. и Л. 146), до сам*ый* кончины (Пов. Б. XIII), каки*і* похороны (тамъ же, 94), очен*ъ* (Совр. IV. 43), перебѣ*з*щиковъ (тамъ же, 203) и нѣкоторые другіе подобные случаи, встрѣчающіеся въ печатныхъ текстахъ Пушкина, корректированныхъ въ общемъ хорошо, однако имѣющихъ ошибки; но мы можемъ сюда отнести случаи, гдѣ Пушкинъ могъ бы ошибиться противъ какого-либо мелочнаго орѳографическаго правила или гдѣ могъ сдѣлать невѣрный грамматическій анализъ слова[1]) или написать неудачно по недостаточному орѳографическому вниманію и навыку. Таковы написанія: Вперв*ыя* грянулъ битвы громъ (Кавк. пл. 45), Татарск*іе* шаровары (Совр. IV. 63; можетъ быть, Пушкинъ произносилъ род. п. мн. числа: шаровар*овъ*, какъ говорятъ во Владим. губерніи), одн*и*хъ сутокъ (Совр. 19), одн*и*.... стѣны (Пов. Б. 11), къ вечерн*и* (Совр. IV. 63), изъѣзж*а*на (тамъ же, 59), (звѣрь) скреб*я*щій (Совр. 124), разм*а*товала (Совр. IV. 71), окле*я*ны (тамъ же, 165), семь-

1) Что такіе неудачные грамматическіе анализы онъ могъ производить показываетъ его мнѣніе о томъ, что при глаголѣ *рѣшить* нельзя допускать образованіе *рѣшать* (См. «Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Спб. 1887, т. V, стр. 135), что нужно писать дв*е*надцать, потому что здѣсь *две* получены изъ *двое* (тамъ же, 136), что надо писать *телега*, потому что это слово происходитъ отъ *телецъ* (тамъ же, 136).

десять (Русл. и Л. 29), кусочикъ (Совр. 22), баишь (Пов. Б. 154), раскаится (Совр. IV. 95), кавказкія (Совр. 23), Въ Питербургѣ-городкѣ (Совр. 2, 3; *и* написано, можетъ быть, по сопоставленію съ народнымъ *Питеръ*), бѣлилы (Пов. Б. 174), изрѣдко (Совр. IV. 46) и: изрѣдка (тамъ же, 56, 58), цалуетъ (Совр. 3; здѣсь, если бы Пушкинъ даже считалъ нужнымъ написать по произношенію, то и то долженъ бы былъ поставить букву *о*, которая слышится въ сѣверномъ народномъ говорѣ); лишъ (Кавк. пл. 2 изд. 41, Цыг. 42) и: лишь (Кавк. пл., 47), впрямъ (Е. О. гл. I. стрн. XVI), поперегъ (Совр. 59, 63), предметами, *ея* окружавшими (Пов. Б. 45; подобная ошибка — рѣдкость: обыкновенно *ея* и *ее* въ нашихъ текстахъ строго различаются), тебѣ *ея* надобно (тамъ же, 124), ее самую (вм. самое; Совр. IV. 203; вѣроятно, описка или опечатка).

Разумѣется, мы не можемъ отнести къ числу недочетовъ Пушкинской орѳографіи какъ тѣ формы письма, которыя теперь являются архаизмами правописанія, но въ свое время были узаконены, напр. переносы: о-днажды, у-знаете, э-томъ, послѣдовательное письмо префикса *при* черезъ *и* передъ гласными буквами (приялъ (Евг. О. гл. I. 38), приученъ (Цыг. 15) и т. п.), горы этѣ (Совр. 70), такъ и тѣ случаи, гдѣ ошибка является лишь кажущейся для педантической школьной грамматики. Таковы, напр., случаи употребленія винит. пад. при глаголахъ съ отрицаніемъ, что и теоретически отстаивалъ Пушкинъ (см. «Сочиненія», ред. Морозова, 1887, IV. 387, V. 16. 127). Вотъ нѣсколько фактовъ такого рода: брянчатъ (Евг. О. гл. I. 23) при: бренчу (Русл. и Л. 138), Кащей (Русл. и Л. 8), оставъ тамъ же, 73, 86), подъ Азовымъ (Полт. 67; риѳма съ: суровымъ), подъ Бородинымъ (Пов. Б. 58), въ теченіи (тамъ же, 102; ср. при обыкновенномъ винительномъ: *въ ночь* и предложный: *въ ночи*), въ продолженіи своего повѣствованія (тамъ же, 127), прождавъ ея напрасно (тамъ же, 158), итти (тамъ же, 158; позднѣйшіе издатели исправили на: идти) при: придти (Совр. 114), почтовой трактъ (Совр. 23; изъ стиховъ Пушкина

видно, что онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на концѣ: издатели неосмотрительно исправляли здѣсь окончаніе *ой* на *ый*), видѣнъ былъ (Совр. 65), безо всякаго (тамъ же, IV. 94. 112; въ позднѣйшихъ текстахъ исправлено издателями на: безъ всякаго), между ими (Совр. IV. 121. 134. 142. 164), около его (тамъ же, 194), Ничего ея бы не спасло (тамъ же, 183; въ Морозовскомъ текстѣ читаемъ: *Ничто бы ее* не спасло), не отрывала ее (тамъ же, 94), въ тайнѣ (тамъ же, 106; издатели исправили на: втайнѣ, не обративъ вниманіе на то, что у Пушкина на той же страницѣ находится: содержитъ въ великой тайнѣ), увѣщевалъ (тамъ же, 111), не очень понимая значенія этого слова (тамъ же, 43; едва ли, впрочемъ, правильно).

Не говоримъ о многихъ существительныхъ съ формами на *іе*, какъ ущеліе, свиданіе, топаніемъ, которыя предпочитаются Пушкинымъ, но его позднѣйшими издателями переправляются на *ье*.

Нѣкоторыя правила орѳографіи не были еще прочно установлены, и несоблюденіе ихъ нельзя поставить въ вину Пушкину. Сюда относятся, между прочимъ, примѣры слитныхъ написаній: и завтра *тоже*, что вчера (Евг. О. гл. I. 30), и въ деревнѣ скука *таже* (тамъ же, 44), *туже* ночь (Совр. 59), *также* ли смѣла, какъ и вы (Совр. IV. 77).

Пушкинъ погрѣшалъ иногда и въ употребленіи буквъ *ѣ* и *е*. Впрочемъ, умѣнье ставить эти буквы очень дорого цѣнится только теперь. Въ тѣ времена легко мирились съ письмомъ и даже книгой, гдѣ эти буквы были поставлены иногда и не на своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи правописаніе Пушкина является заслуживающимъ упрека въ большинствѣ случаевъ лишь сравнительно съ современнымъ письмомъ, большая же часть написаній оправдывается обычаями стараго времени. Такъ, онъ болѣе или менѣе послѣдовательно (всѣхъ примѣровъ и ссылокъ мы не приводимъ) писалъ: индѣйки (Гр. Нул. 10), мѣльницы (Гр. Нул. 11), мѣльницъ (Совр. 28), на мѣльницѣ (Совр. 30), вѣтхими (Совр. 54), трѣзвое (Совр. IV. 43), цѣхъ (Е. О. гл. I.

34), спѣсь (Б. Г. 122), спѣсиво (Р. и Л. 16), спѣсивится (Бор. Год. 34), смѣкая (тамъ же, 85), хмѣлю (Пов. Б. 56), вымѣщаетъ (тамъ же, 100), пѣни (Кавк. пл. 35), хмѣльна (Совр. 1), затмѣвались (Кавк. пл. 36), грамотѣи (Бор. Год. 26), мѣлкій (Гр. Нул. 7), неприлѣжно (Гр. Нул. 27), телегу (Совр. 34)[1]), зеницу (Совр. 116), кромешники (Бор. Год. 19), сметливость (Совр. IV. 151), меткость (Кавк. пл. 9), зевать (Е. О. гл. I. 16), зевнулъ (тамъ же, 17), лечился (Б. Г. 98), лелеялъ (Пов. Б. 112). Замѣтимъ еще, что слова: «поцѣлуй», «цѣловать», въ ихъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, Пушкинъ пишетъ очень послѣдовательно съ *а* вмѣсто *ѣ*: «поц*а*луй», «ц*а*ловать» (согласно съ сѣвѣрнымъ говоромъ: ц*о*луй, ц*о*луетъ).

Замѣчательны также въ письмѣ Пушкина пропуски *ь*: во тмѣ (Русл. и Л. 13, 28; Кавк. пл. 29, 39), затмилась (Кавк. пл. 11), тюрмѣ (Бор. Год. 5), возми (Кавк. пл. 2 изд. 45), осмнадцать (Е. О. гл. I. 19), менше (тамъ же, 22), кутерма (Б. Г. 49), Кузмичъ (Совр. IV. 88).

Все это случаи съ послѣдовательнымъ правописаніемъ, встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ разныхъ текстовъ, въ разнообразныхъ формахъ, только взятые нами въ единичныхъ примѣрахъ въ качествѣ образцовъ. Происхожденіе ихъ нужно объяснить распространеннымъ издавна орѳографическимъ обычаемъ, по которому не обозначается мягкость согласнаго передъ согласнымъ (ср. стр. 76). Это правило въ печатныхъ текстахъ Пушкина проводится такъ далеко, что встрѣчаются, впрочемъ, какъ рѣдкость, даже такіе примѣры, какъ: назначте (Е. О. гл. I. стрн. XI), или хорошенко (Совр. IV. 191).

Въ правописаніи иностранныхъ словъ Пушкинъ то приближался къ чуждому оригиналу, то — къ родному произношенію: музульманскій (Кавк. пл. 2 изд. 60), акуратный (Евг. О. гл. I. 30), Стразбургскій (тамъ же, 31), Чельдъ—Гарольда (тамъ же, 52), Лудовика XIV (тамъ же, 55; повидимому, книжное напи-

1) Припомнимъ такое правописаніе этого слова у Ломоносова. См. стр. 11.

саніе), Звала Полиной Парасковью (Евг. О. гл. II. 35; впослѣдствіи передѣлано: ....—ю Прасковью), кристалла (Русл. и Л. 54; въ риѳмѣ съ: заиграла), юпкою (Русл. и Л. 109), Финна (тамъ же, 117; риѳма съ: кручина), мелодраммѣ (Полт. VII), Шлипенбахъ (тамъ же, 69), Салтана (тамъ же, 24), Езуитъ (тамъ же, 87), Секундъ — Маіоръ (Пов. Б. VIII), гаэръ (тамъ же, 86), Самсонъ (тамъ же, 109), олтаря (тамъ же, 117), капурѣ (Совр. 117; удареніе на *у*), попахѣ (бараньей шапкѣ; тамъ же, 33), кофію (тамъ же, 67, 79), экскадрономъ тамъ же, 68; опечатка или описка, связанная съ произношеніемъ: во Владим. губ. (Покровск. и Юрьевск. уѣзды) говорятъ «экскадрóн»), бельмесъ по-русски не разумѣешь (Совр. IV. 113; позднѣйшіе издатели переправили на: бельмес*а*), майоръ (тамъ же, 190), каммеръ—лакей (тамъ же, 212, 213), баталья (тамъ же, 120), чахарду (тамъ же, 45), Гарасимовна (тамъ же, 46) и: Герасимъ (тамъ же, 88), голунами (тамъ же, 124), келльи (тамъ же, 129) [1]).

Зато необыкновенное знаніе и чутье живого русскаго языка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, рѣдкая сообразительность давали возможность Пушкину писать правильно въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, которые при немъ и послѣ него были предметомъ споровъ между грамматистами. Такую, можно сказать, изящную орѳографію мы находимъ у Пушкина въ написаніяхъ: раз*о*реннаго (Совр. 25), раз*о*рены (Совр. 25), галсту*к*ъ (Гр. Нул. 27), дыш*и*тъ (Кавк. пл. 2 изд. 14), дыш*утъ* (Русл. и Л. 32), выставь-*ко* (Бор. Год. 37), подай-*ко* (Бор. Год. 39), разспрашивалъ (Бор. Год. 4), исти*н*ѣ (Е. О. гл. I. стрн. XXI), гости*н*ыхъ (тамъ же, 32), стремглавъ (тамъ же, 42), *з*бруя (Русл. и Л. 72), сидитъ за бра*н*ыми столами (Русл. и Л. 31),

1) Замѣтимъ, что и здѣсь позднѣйшіе издатели допускали или совсѣмъ ненужныя поправки, вродѣ передѣлки «баталья» на «баталія» или нивеллировали текстъ, не обращая вниманія на тонкія стилистическія различія формъ. Такъ, у Пушкина «Г*а*расимовна» съ разговорѣ, а въ языкѣ автора-мемуариста «Г*е*расимъ».

видѣнъ (Пол. 7), расчетъ (Пол. 65), не равёнъ часъ (Совр. IV. 160), пріобрѣтшей (Пов. Б. X), раскаивалась (тамъ же, 159).

Риѳма, «звонкая подруга» поэта, во многихъ случаяхъ объясняетъ колебанія и даже неправильности его правописанія. Такъ, въ предложномъ падежѣ именъ на *іе* онъ обыкновенно пишетъ окончаніе *и*, но въ риѳмахъ на *е* ставитъ уже *ѣ*. Примѣровъ на *ьи*, вродѣ: въ молчань*и* (Кавк. пл. 2 изд. 30), въ забвень*и* (тамъ же, 38), въ большомъ разсѣянь*и* (Евг. О. гл. I. 17), въ сомнѣнь*и* (Русл. и Л. 29)—множество; исключеній на *ьѣ* очень мало; напр.: въ изгнань*ѣ* (Бор. Год. 51), въ своемъ помѣсть*ѣ* (Пов. Б. 40). Но въ риѳмахъ мы видимъ обыкновенно *ѣ*: (въ) уединеньѣ — утѣшенье (Русл. и Л. 32), (въ) мечтаньѣ — желанье (тамъ же, 119), смятенье—въ размышленьѣ (Пол. 39). Къ двумъ предложнымъ падежамъ Пушкинъ относится свободнѣе, допуская и то и другое окончаніе: въ упоеньѣ — въ воображеньѣ (Русл. и Л. 12), (въ) ожиданьи — въ молчаньи (тамъ же, 141).

Стремясь не только къ звуковой, но и къ графической риѳмѣ, Пушкинъ, какъ извѣстно, допускалъ иногда въ этомъ случаѣ и орѳографическія погрѣшности. Мы отмѣтили риѳмы: не пад*а* — Шехеразада (Русл. и Л. 48), доспѣхи брани — (къ) Руской ба*ни* (тамъ же, 94), желѣз*ы* — слезы (Кавк. пл. 2 изд. 37), по-латын*ѣ* — нынѣ (Евг. О. гл. I. 6).

Что касается риѳмъ: кудри золот*ыя*—плечи молодыя (Русл. и Л. 49) и: кудри золот*ые*—волосы густые (тамъ же, 70) — то оба написанія Пушкина оправдываются народнымъ языкомъ, въ которомъ извѣстны, какъ «ку́дерь» (въ пѣсняхъ: «ку́дерь, кудерёчикъ»), такъ и «кудря́» (Покровскій, Юрьевскій уѣзды).

Замѣтимъ, что всѣ приведенныя здѣсь риѳмы могутъ быть исправлены въ орѳографіи безъ всякаго поврежденія языка. Но у Пушкина былъ одинъ случай, въ которомъ, ради риѳмы, онъ допустилъ явную морфологическую и орѳографическую неправильность. Именно, въ 3-ей главѣ «Онѣгина», строфа V, стихъ 9-ый читался: «Какъ у Вандиковой Мадон*ѣ*». Ошибку, въ числѣ

другихъ неточностей, указали князь Шаликовъ («Дамскій Журналъ» 1827, № 21) и Булгаринъ («Сѣверная Пчела» 1827, № 124). Этотъ стихъ поэтъ передѣлалъ на: «Точь-въ-точь въ Вандиковой Мадонѣ» (риѳма съ: небосклонѣ).

Стилистическое замѣчаніе критиковъ, направленное противъ стиховъ XXVIII строфы:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой *шалѣ*...

— гдѣ неточность только графическая — Пушкинъ не принялъ во вниманіе.

Обзоръ данныхъ Пушкинскаго правописанія показываетъ, что поэтъ нескоро овладѣлъ строго опредѣленной орѳографіей, что онъ не руководствовался какой-либо избранной имъ грамматикой или примѣромъ какого-либо писателя, котораго призналъ бы въ этомъ случаѣ образцомъ для себя. Впрочемъ, такого писателя и трудно было найти. Онъ руководствовался памятью и нѣкоторой сложившейся довольно, впрочемъ, некрѣпкой привычкою. Превосходная вообще память поэта, въ частности, въ отношеніи орѳографическихъ написаній, часто не приводила его къ точности и послѣдовательности. Она измѣняла ему очевидно потому, что онъ не стремился прибѣгнуть къ ея услугамъ, не особенно старался запомнить, какъ писать то или другое слово, какихъ правилъ держаться въ томъ или другомъ случаѣ. Вопросы правописанія несомнѣнно онъ считалъ вопросами слишкомъ второстепенными, надъ которыми не стоитъ много задумываться. Орѳографія — дѣло внѣшнее: «геральдика языка», какъ онъ однажды выразился. Нужно ли вдаваться въ орѳографическія и геральдическія мелочи?

Онъ просматривалъ и исправлялъ ошибки, но не имѣлъ въ виду придать своему правописанію точность и послѣдовательность, которой держались другіе, Гречъ, напримѣръ. Пушкинъ исправлялъ лишь значительныя орѳографическія погрѣшности, грубыя

ошибки, то, что бросается въ глаза. Крайне ревнивый къ своему тексту, ошибки правописанія онъ позволяетъ исправлять друзьямъ.

Школа несомнѣнно не дала поэту вполнѣ сложившихся хорошихъ орѳографическихъ привычекъ. Послѣ школы онъ не думалъ заняться орѳографическимъ буквоѣдствомъ. Онъ работалъ, «жилъ и мыслилъ». Съ великой любовью къ знанію онъ соединялъ великую критическую силу и самостоятельность ума. Учась у Байрона и Шекспира, онъ не хотѣлъ идти подъ указку неважныхъ доморощенныхъ грамматистовъ, хотя интересовался грамматикою и даже считалъ себя въ правѣ и находилъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы имѣть свое собственное сужденіе между прочимъ и о вопросахъ правописанія.

Орѳографія приходитъ къ Пушкину сама собою. Къ концу своей литературной дѣятельности, поэтъ, всегда много занимавшійся письмомъ и чтеніемъ, интересовавшійся даже славянскою грамматикой (выписывалъ черезъ Плетнева славянскую грамматику Пенинскаго, какъ она появилась; см. письмо Плетнева къ нему отъ 5 авг. 1825 года), овладѣваетъ прекрасной, почти безукоризненной орѳографіей, замѣчательной по своей послѣдовательности и многимъ частностямъ. Въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», корректуры котораго читались самимъ поэтомъ, и очень усердно, какъ это видно изъ его писемъ къ женѣ 1834 года (см. письма отъ 11 іюля, 25 іюля, 30 іюля, 3 августа) орѳографія по своей тщательности и достоинству мало уступаетъ орѳографіи «Исторіи» Карамзина[1]). Такой же почти превосходной является въ общемъ и орѳографія «Современника», несмотря на ея маленькія шероховатости. Хотя Пушкинъ и заявлялъ, что «обстоятельства не позволили» ему «лично заняться печатаніемъ двухъ первыхъ нумеровъ» его журнала, но Плетневъ впослѣд-

1) Въ этой орѳографіи: *же*, *ше*, *це*, *че* подъ удареніемъ; ра*с*, во*с*, ни*с*, и*с* по нынѣшнему (хотя: изтопили 42), изрѣдка *ой* въ им. пад. (Оренбургск*ой* Губернаторъ 14, Уфимск*ой* уѣздъ 41, цѣл*ой* день 42 и др. подобн.); *аго* въ родительномъ послѣдовательно и подъ удареніемъ (отставн*аго* 15, городск*аго* 40, и т. п.).

ствіи увѣрялъ Я. К. Грота, что въ заявленіи этомъ рѣчь идетъ лишь о кратковременномъ отсутствіи Пушкина изъ Петербурга (на похороны матери)[1]). Замѣчательно, что эта ороографія отличается не оригинальными написаніями молодыхъ лѣтъ, а уступчивостью обычаю.

VI.

Бросивъ общій взглядъ на приведенные факты изъ исторіи русскаго правописанія, мы видимъ, что современное письмо очень часто не слѣдуетъ примѣру великихъ писателей и не является также системой хорошо упорядочивающей ихъ ороографію. Правда, что и классическіе авторы не слишкомъ строги въ правописаніи, что они дѣлаютъ ошибки, но, вмѣсто критическаго, разборчиваго синтеза ихъ письма, наша ороографія нерѣдко какъ разъ подражаетъ именно ихъ ошибкамъ и не принимаетъ вполнѣ вѣрныхъ начертаній, встрѣчающихся у нихъ. Причина этого лежитъ въ плохихъ школьныхъ грамматикахъ, въ дѣятельности руководствующихся ими корректоровъ распространенныхъ изданій, вообще въ худомъ, малосознательномъ ороографическомъ обычаѣ, захватывающемъ пишущія и читающія массы.

Распространеніе и вліяніе популярныхъ школьныхъ учебниковъ громадно. Булгаринъ свидѣтельствуетъ, что «Краткой Русской Грамматики» Греча отъ 1830 года до 1838 разошлось болѣе сорока тысячъ экземпляровъ. На неблагопріятное значеніе для существующей ороографіи неудовлетворительныхъ учебниковъ и невѣжественныхъ корректоровъ обратилъ вниманіе еще И. И. Срезневскій, который въ «Замѣчаніяхъ объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (стр. 10 — 11), говоря о ненаучныхъ учебникахъ, писалъ: «Тѣ учители, которые по своимъ знаніямъ стоятъ гораздо выше та-

1) См. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II стр. 526.

кихъ учебниковъ, безъ сомнѣнія, умѣютъ сдѣлать ихъ для учениковъ безвредными; но они должны брать это на свою совѣсть, которая и въ нихъ можетъ быть иногда задавливаема какою нибудь силою надъ ними тяготѣющей. Такова на примѣръ сила корректоровъ, которая знать не хочетъ ни о какой наукѣ, ни о какихъ доказательствахъ, ни о чемъ, кромѣ своего навыка и произвола, и своимъ упорствомъ побѣждаетъ и убѣжденія писателей, и настойчивость ученыхъ — не только по одиночкѣ взятыхъ, но и въ цѣлыхъ конклавахъ. Гдѣ съ такою силою бороться учителю, когда ею былъ пораженъ и Востоковъ»[1]).

Дѣйствительно, малая грамотность большинства пишущихъ и печатающихъ, создававшихъ ороографическій обычай, осиливала иногда даже и тѣ требованія школьныхъ грамматикъ, которыя оправдываются вмѣстѣ и исторіей языка, и современнымъ произношеніемъ. Напримѣръ, грамматики «Россійской Академіи» (см. 2-е изд. 1809 г.) и Востокова (см. 1-е изд. 1831 г.) совершенно правильно указываютъ писать *ѣ* въ словахъ: *брѣдить*, *вѣдро́*, *вѣкша*, *желѣза́*, *лѣса́* (веревка у уды), *мѣлкій*, *прилѣжный*, *пѣстъ*, *пѣшня*, но обычай отвергаетъ это указаніе, очевидно потому, что пишущіе упрощаютъ свою ороо-

---

1) Нелишнимъ считаю указать нѣсколько примѣровъ вліянія корректоровъ. Нѣкоторые корректоры, вѣроятно, никогда не имѣя нужды вникать въ разницу значенія словъ adverbium и adverbialiter и т. п., поставили себѣ правиломъ всѣ выраженія, употребляемыя въ значеніи нарѣчій, союзовъ, предлоговъ, писать слитно какъ одно слово (впослѣдствіи, безсомнѣнія, поутру, и пр.), — и теперь учители должны стараться объяснить ученикамъ и ученики должны стараться понять всѣ эти открытія корректоровъ, какъ достояніе правильнаго правописанія. Нашли корректоры, что при переносѣ съ одной строки въ другую надо оставлять одну изъ согласныхъ, слѣдующихъ за гласною, при ней какъ части слога ею образуемаго, а слѣдующія присоединять къ слѣдующему слогу, и далѣе ни о чемъ не думаютъ (воп-реки, сом-нительный, рож-деніе и пр.); — прочли гдѣ то лекарь, леченіе и пр. съ *е* простымъ, и, ужь не заглядывая въ словарь, опредѣлили, что такъ надо писать, а не лѣкарь, лѣченіе и пр. какъ бы слѣдовало;—придумали, что существительныхъ мягкаго окончанія мужескаго рода *ж*, *ч*, *ш*, *щ* нѣтъ, а есть только женскаго рода, и дѣло рѣшено: учители и ученики должны слушаться и даже понимать и объяснять, почему все это должно быть такъ, а не иначе. Они же пишутъ: «хлопочатъ, мучіютъ» и пр., учители и ученики и это должны объяснять грамматикой.

Примѣчаніе И. И. Срезневскаго.

графію, освобождаясь отъ нѣсколькихъ случаевъ употребленія затрудняющей ихъ буквы.

По превосходному знанію и чуткости языка писатели являются, конечно, первыми авторитетами и во многихъ вопросахъ орѳографіи, но недалекая школьная теорія часто не умѣла понять и оцѣнить ихъ знаній и соображеній (въ тѣхъ случаяхъ, когда съ писателями хотѣли справляться, что невсегда дѣлалось).

Школьная грамматика требовала, чтобы писали: *близъ*, *всклочена*, *наизустъ*, а поэты писали *близь* (Пушкинъ), *всклокочена* (Крыловъ), *наизусть* (Лермонтовъ; риомовалъ *грусть—наизусть* въ «Молитвѣ»), и мы знаемъ теперь, что правда была на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ Греча. Основой для самостоятельнаго разрѣшенія вопросовъ правописанія для лучшихъ писателей служило знаніе живого русскаго языка, точно также, какъ и знаніе книжнаго языка. И если бы въ основѣ нашей орѳографіи лежала система правописанія, которой они держались—только болѣе послѣдовательно проведенная,—то, конечно, она была бы не хуже существующей, считаемой у насъ многими альфой и омегой человѣческаго знанія. Тогда мы писали бы, напр., по славянской традиціи всегда окончаніе *аго*, всегда *воз-*, *низ-*, *раз-*, *из*, или предо всѣми глухими во всѣхъ префиксахъ мѣняли въ письмѣ *з* на *с;* писали бы всегда *же*, *че*, *це*, *ше*, *ще*; держась этимологіи въ вопросѣ о слитномъ или отдѣльномъ написаніи словъ, мы очень мало бы затруднялись этими случаями правописанія, правила о которыхъ въ современныхъ грамматикахъ считаются десятками; по примѣру Ломоносова, Карамзина, Пушкина мы могли бы писать всегда окончаніе *ой* и т. п.

Но наша орѳографія произошла не отъ этихъ авторовъ. Путемъ школы мы получили ту орѳографическую систему, которой великіе писатели не держались, которую, можно сказать, они не одобряли.

Писатели позднѣйшаго поколѣнія были не болѣе внимательны къ мелочамъ условнаго правописанія. Извѣстно, какъ далека была отъ совершенства орѳографія Гоголя.

Эту орѳографію, насколько она проявилась, напримѣръ, въ первомъ изданіи его книги: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Спб. 1831 г.[1])—было бы трудно признать хорошей. Не говоримъ о такихъ случаяхъ, гдѣ Гоголь писалъ не такъ, какъ пишутъ теперь, слѣдуя принятому въ его время орѳографическому обычаю.

Такъ, употребляя въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ обыкновенно окончаніе *ый*, онъ допускаетъ и *ой*: свѣтъ великой VI, всякой случай XIX, Антихристъ проклятой 10 и подобн. съ окончаніемъ *ой*, которое встрѣчается у него даже въ словахъ Малороссіянки. Онъ пишетъ также: росписанная 3; нѣчего XIII, XV, мѣлкія XIX, мѣльницъ 8, мѣльницы 9; имянно VII; скрыпка VII; тысячь 5; произшествіе 12; щетъ XI, щастью XIII; извощики XXII; у нее 11. Все это относительно вѣрно, т. е. соотвѣтствуетъ грамматикѣ и орѳографическому обычаю того времени.

Но въ орѳографіи Гоголя встрѣчаются такія особенности, которыя нельзя назвать иначе, какъ ошибками. Напримѣръ, у него находимъ: чемъ VI, VIII, зачемъ VI (хотя такъ и писалъ Ломоносовъ, но его орѳографія этого слова не поддерживалась), слышило V, зброду V, пальцомъ XV, этаго 14 (это, впрочемъ, можно и не считать ошибкой), расказать VIII, бьютсяя XII; *не* съ глаголами часто пишется вмѣстѣ и др. подобн. случаи. Попадаются совсѣмъ странныя написанія, напр.: двенадцатую долю X.

Значительный недостатокъ орѳографіи Гоголя еще ея непослѣдовательность. Онъ пишетъ: какого X и: какаго XI, первый разъ 6 и тотчасъ же: первой разъ 6 и т. подобн.

Если и имѣть въ виду, что подобныя написанія можно было иногда встрѣтить въ то время въ книгахъ, то нельзя забывать, что Гоголь былъ не начетчикъ, а образованный человѣкъ, прошедшій «высшія науки», самъ преподаватель и черезъ недолгое

---

1) Печатано въ Типографіи Департамента народнаго просвѣщенія. Поэтому орѳографія сравнительно очень исправна.

время профессоръ университета; что орѳографія болѣе или менѣе опредѣлилась и утвердилась въ то время, и подобное письмо могли основательно назвать «неграмотнымъ». Стоитъ посмотрѣть, въ какой безукоризненной орѳографіи являлись передъ публикой посредственные, но грамматически вышколенные писатели, какъ Гречъ и Булгаринъ, чтобы убѣдиться, что орѳографія Гоголя оставляла желать очень многаго.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ много работали надъ своими произведеніями Пушкинъ и Гоголь. Но очевидно, что ихъ обработка вовсе не направлялась въ сторону орѳографіи. Если бы они придавали ей такое значеніе, какъ недавніе поборники орѳографической неподвижности, усматривающіе какимъ-то образомъ въ теперешней орѳографіи наслѣдіе великихъ писателей, то, можно надѣяться, достигли бы въ ней той высоты, на которой стояли Гречъ и Булгаринъ.

Чтобы убѣдиться, что наша орѳографія не связана съ именемъ знаменитыхъ писателей, нужно бы только посмотрѣть, какъ, напр., расправлялся съ буквами *е* и *ѣ* И. А. Крыловъ въ первомъ изданіи своей «Почты духовъ» (Спб. 1789 г., часть II). Онъ писалъ: верт*е*лся 2, над*е*тъ 3 (и здѣсь же: над*ѣ*тъ), со вс*е*мъ (нарѣчіе) 4, з*е*ваютъ 5, ч*е*мъ 8, о през*е*ніи 8, совс*е*мъ 10, 11, перел*ѣ*телъ 12, со вс*е*мъ тѣмъ 13, п*е*шеходцы 15, про*е*зжая 15, Вс*ѣ* искуство Докторовъ 2, од*ѣ*ждѣ 4, предм*ѣ*ты 5, крестьян*ѣ* 9, выводятъ войска въ пол*ѣ* 10. Эти случаи только на 15 первыхъ страницахъ книги.

Въ орѳографію даннаго текста даже ненужно долго всматриваться. Изъ перваго ознакомленія съ ней видно, что писатель игнорировалъ не только букву *ѣ*, но и многія другія безспорныя правила правописанія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ это.

1) Вотъ особенности Крыловской орѳографіи въ употребленіи буквъ: *е*той 8, *е*то 9, на одн*и*хъ только догадкахъ 10, нужнѣ*я* 11, важнѣ*я* 11, шездесятъ 15, 143, скорѣ*я* 15, р*а*бенка 18 (впрочемъ, здѣсь Крыловъ могъ слѣдовать Сумарокову, который

требовалъ именно такого письма для даннаго слова, производя его отъ «рабъ»), сихъ Баяръ 20, на него на самаго 24, здѣлали 25, прозьбъ 26, присудствіемъ 33.

2) Особенности въ употребленіи формъ и словъ: приколона лепточка 3, одного на *нея* взгляда довольно 3, ничего не значущихъ разговоровъ 5 (см. также 23 стр.), купецъ сдѣлался банкрутомъ 10, съ ѣзжаться 17, многочисленное общество здоровыхъ и изуродованныхъ бѣдняковъ *наполняли* переднюю комнату 17 (не литературный, но народный оборотъ), держутъ 24, поднести на него на самаго три тома Сатиръ 24.

Не мѣшаетъ еще замѣтить, что самъ Крыловъ вполнѣ удовлетворялся такой орѳографіей и не прочь былъ поиздѣваться надъ «безграмотностью» подьячихъ. Такъ, на стр. 129 отецъ пишетъ у него своему сыну: «Радуюсь, что ты въ приказѣ набилъ руку такъ твердо, что своимъ чоткимъ письмомъ и самому слѣпому Судьѣ можешь поправиться: только замѣтилъ я, что ты *Ять* пишешь очень часто, и ставишь двоеточіи, запятыя, и точки. Пожалуй повоздержись, *Льнтулушка*, а то еще скажутъ, что ты не кстатѣ умничаешь. Замѣть, мой другъ, что Судья, которой не употребляетъ *Ятей* и за пятыхъ, никогда не бываетъ друженъ съ секретаремъ, которой пишетъ по фородрафіи»...

Но и писатели болѣе поздней эпохи, когда орѳографія установилась прочнѣе, не обнаруживаютъ стремленія къ безусловной ея правильности. Напримѣръ, Л. Н. Толстой въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» (Спб. 1856) пишетъ: самаго себя (= самого) 3, прозженномъ 5, на ципочкахъ 7, прокрадешься наверхъ, въ класную 7, всегда приласкаетъ и видно, что разстроганъ 7, ее каріе глаза 10, цаловалъ 10, 11, одиннадцать 11, сметливости 16, и др. подобн. — Замѣтимъ, что Толстой выступилъ въ литературѣ не юношей, какъ Пушкинъ, или Гоголь, но человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, когда у него уже долженъ былъ сложиться прочный навыкъ въ письмѣ.

В. Чернышевъ.

